

СТАНИСЛАВ
ПШИБЫШЕВСКИЙ

СИНАГОГА САТАНЫ

Станислав Пшибышевский

Синагога сатаны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24438822

Аннотация

«Два бога вечно противоположны, два творца и два господина, безначальные и вечные. Добрый Бог создал духов, чистые существа; мир его – мир невидимого, мир совершенства, не знающий борьбы и боли. Злой Бог создал видимое, телесное и преходящее. Он создал плоть и страсти, землю с ее борьбой, ее муками и ее отчаянием, неизмеримую юдоль плача, создал природу, которая вечно производит только боль, отчаяние и зло. Добрый бог – это норма, закон, смирение и покорность...»

Содержание

Часть первая	4
Часть вторая	48

Станислав Пшибышевский

Синагога сатаны

Часть первая

1

Два бога вечно противоположны, два творца и два господина, безначальные и вечные. Добрый Бог создал духов, чистые существа; мир его – мир невидимого, мир совершенства, не знающий борьбы и боли. Злой Бог создал видимое, телесное и преходящее. Он создал плоть и страсти, землю с ее борьбой, ее муками и ее отчаянием, неизмеримую юдоль плача, создал природу, которая вечно производит только боль, отчаяние и зло. Добрый бог – это норма, закон, смирение и покорность. Детям своим он говорит: «Будьте нищи духом, ибо только так придете в царствие мое! Будьте более дети, чем дети, умертвите волю, следуйте за мной! Не стремитесь изведать причины и цели, ибо только во мне все прошедшее и грядущее».

Злой Бог – это отсутствие правил, упрямый, ясновидче-

---

¹ Впервые «Синагога Сатаны» была опубликована в 1897 году на немецком языке, а в 1902 году переведена на польский. В настоящем издании воспроизводится русский перевод, опубликованный в 10 томе собрания сочинений С. Пшибышевского в 1911 году.

ский прыжок в будущее, он – соблазн сокровеннейших тайников и титаническое упрямство, которое, не признавая границ, ниспровергает все законы, все нормы. Он – высшая мудрость и высший разврат, самая дикая гордость и самое лукавое смирение, ибо только так можно одурачить правило. Он освятил высокомерие, отвагу и властолюбие – и называет это геройством; он научил человека, что нет преступления, разве что против его собственной природы. Он освятил любопытство, он назвал его наукой, он заставил человека исследовать собственное происхождение и назвал это философией, он дал безбожно разлиться всем инстинктам в русле пола и назвал это искусством.

Добрый был Злой Бог, хорошим отцом и руководителем: «Ты болен, ты хочешь выздороветь? Гляди! Земля моя изобилует всякими травмами, которые могут исцелить тебя, изобилует и опасными ядами, но ты можешь заставить их служить тебе в качестве лекарства.

Ты хочешь быть богатым, ты ищешь сокровищ? О, располагаю тысячью средств, которыми ты можешь выманить собственную душу твою из убежища, чтобы она открыла тебе драгоценные жилы земли. Ибо душа твоя знает все. У нее и у меня одно начало. Ты хочешь заглянуть в будущее и угадать твою судьбу? Иди, следи за полетом птиц, прислушайся к шелесту листвы, гляди на звезды, смотри в зеркальные кристаллы, разгадывай линии руки – в тысяче видов я предсоздал твое будущее, но ищи, исследуй, разгадывай, ибо

закон мой – острота и ловкость, наблюдательность и дальность, творческое любопытство.

Ты хочешь уничтожить своих врагов и не хочешь быть настигнутым законом? Иди! Научи душу свою отделяться от тела, и я перенесу ее за тысячи верст, чтобы ты невидимо удовлетворил алчбу твоего сердца. Ибо твое собственное благо, твое собственное развитие и будущность да будут тебе высшими законами.

Ты потерял жену твою, взятую смертью? Я сострадаю твоей любви, ибо любовь, продолжающая твой род, мне по сердцу. Иди! Тысячи средств есть у меня, тысячи заклинаний, чтобы вырвать дорогое тебе у смерти!

Все обещаю я тебе, все увидишь и все получишь, если пойдем моими путями. Но пути мои трудны, ибо трудно всякое свершение».

Так говорил Злой Бог, так говорил Светоносец и Сатана-Параклет в ту пору, когда еще не родился его великий враг отрок назаретский. И многие шли его путями, и долготрудными трудами и муками исследовали тайны неба и земли, и превращали предметы так, что яд становился им лекарством, вода показывала им будущее, а вулканические испарения, истекавшие из земли, открывали им сокровеннейшее естество вещей. И дальше и дальше проникали они по пути созерцания. Круга, который они очерчивали вокруг себя, ряда звуков, которые они произносили в известной последовательности, движения руки – было уже достаточно, чтобы

связать их душу со всем мирозданием, раздвинуть все законы пространства и времени, и без преград созерцать бесконечные сцепления причин и следствий с их возникновения до отдаленнейших граней будущего.

Еще не родился в ту пору Сатана-Антихрист. Злой Бог был двуедин. Сатана-отец, Сатана-самиаза, Сатана-поэт и философ жил в гордом, всемогущем и всеведущем роде магов.

Он жил в молчаливых мистериях халдейских храмов, и жрецами его были гакамим (врачи), хартумим (маги), каздим и газрим (астрологи). Этот Сатана жил в доктринах маздеизма, и дети его, маги великие, охраняли святой огонь, сошедший к ним с небес.

От Агура-Мазды, Доброго Бога, научился Заратустра тайнам растения сома; египетский Тот, трижды великий, изложил в 42-х книгах тайное знание и поведал избранным строение человеческого тела, а ужасная Геката наделила своих избранников даром магического видения и творчества и, главным образом, даром тайного убийства. Но наряду с Сатаной-Тотом, Сатаной-Гекатой жил в мире Сатана-Сатир, Сатана-Пан, Сатана-Фаллос. Он был богом инстинктов и плотского вожделения, равно почитаемым и высшими и низшими духом, он был неисчерпаемым источником жизненной радости, вдохновения и опьянения. Он научил женщину тайнам соблазнов, заставляющим людей удовлетворять свои похоти во взаимном влечении пола, он роскошествовал

в красках, изобрел флейту и привел в ритмические движения мышцы, пока святая мания не охватила сердца, и святой фаллос не оплодотворил избытком своим плодородное лоно. Ибо Пан был Аполлоном и Афродитой одновременно. Он был богом домашнего очага и дома терпимости. Он создал философские системы, он построил музеи и роскошные храмы, он учил медицине и математике и, вместе с тем, храм его был в Астартейоне, огромном доме терпимости, в котором жрицы в долголетних упражнениях изучали все способы, все разнообразные средства удовлетворения половой страсти. В это время, в эпоху императора Тиберия, когда началось великое переселение богов в Рим, в эпоху высшей утонченности и самого аристократического наслаждения жизнью, Добрый Бог, до сих пор царивший в своем незримом царстве с завидной невозмутимостью, увидел, наконец, что исполнилась мера греха, и послал Сына своего на землю, чтобы он поведал поколениям Злого Бога грустную правду.

И он пришел в мир, Сын Доброго Бога, и явился сперва бедным, угнетаемым, рабам и поденщикам, никогда не вкушавшим святых радостей Пана.

– Что печетесь вы о хлебе насущном? Кто же одевает лилии прекраснейшими цветами, в сравнении с которыми багрец и парча – жалкое тряпье? Кто питает птиц, которые не сеют и не жнут? Зачем стремитесь вы к благам земным, которые скоропреходящи? Какое значение имеет ваша гордость, если высший на земле будет низшим в царствии небесном?

А плотская похоть ваша, разве она не врата ада?

О, бедное хотение плоти, бедная похоть, источник всяких страстей, неисчерпаемый источник любви жизни, воля к вечности жизни; она должна была быть уничтоженной, чтобы царство невидимого воцарилось на земле.

Учитель сказал, что ты уже прелюбодействуешь с женщиной, если глядишь на нее с вожделением; ученик идет гораздо дальше: святой Киприан говорит о девушке, способной вызвать у мужчины вздох вожделения, что она бесстыдна, а если она зажгла в ком-нибудь, даже сама не зная, любовное пламя, то она вообще уже больше не девственница.

– Жена! Что общего между мной и тобой? – вопрошает Учитель. Но много дальше Учителя идет ученик: «*Tu es diaboli janua, – кричит Тертуллиан, – tu es arboris illius resignatrix, tu es divinae legis prima desertrix, tu es, quae eum persuasisti, quem diabolus aggredi non voluit*».² «*Omnia mala ex mulieribus*»³, жалуется св. Иероним.

Да, он утверждает даже, что женщина вообще не создана по подобию Божьему, ибо в Священном писании ничего не говорится о душе при сотворении женщины. Добрый Бог невидимого ненавидел земную красоту.

Он ненавидел все, в чем Сатана-Пан являл свои открове-

---

² Ты – преддверие дьявола, ты – нарушившая запрет в отношении этого дерева (т. е. Ева. – сост.). Ты – первая пренебрегающая божественным законом, это ты уговорила его, которого дьявол не пожелал преследовать. – лат. (Здесь и далее перевод составителя).

³ Все зло – от женщин. – лат.

ния, ибо он проповедовал ничтожество и преходящность этого мира. Каждое желание, малейшее возмущение плоти, было грехом, который наказывался долгими годами раскаяния. Тертуллиан неистовствует с фанатической ненавистью против каждой полосы пурпура, которой женщина окаймляет платье. Лактанций проклиняет поэтов и философов, которые увлекают неохраемые души в погибель, уничтожает живопись, ибо «quod nascitur, opus Dei est; ergo quod fingitur, diaboli negotium»⁴.

Театр и цирк стали «diaboli figmenta»⁵; святые отцы предостерегают даже от красок, от цветов, ибо демон, злой враг, охотней всего наряжается в яркие краски роскоши. Исаврий Иконокласт состязается с Григорием Великим в разрушении произведений искусства. Феодосии II приказывает разрушать все храмы и воздвигать всюду кресты. Уничтожают смысл прекраснейших произведений поэтов или во все истребляют их, так как демонолог Киприан учит, что в стихотворениях сокрыты «varia daemonia»⁶. Жена Афродита становится публичной женщиной, которую каждый может забросать грязью, а любовь – о, Боже, любовь – «amor si vincitur, diabolus vincitur»⁷. Вся природа попадает в про-

---

⁴ Все, что рождается – есть плод труда Божьего, следовательно, то, что изображается, есть работа дьявола. – лат.

⁵ Твореньем дьявола. – лат.

⁶ Различные злые духи. – лат.

⁷ Если побеждает любовь, побеждает дьявол. – лат.

скрипции, и, главным образом, исцеляющая природа. Бог послал болезни, чтобы дать человеку искупить хотя бы часть его грехов здесь, на земле; грех препятствовать божественному Промыслу. В крайнем случае, еще допускаются экзорцизмы одержимых, не для того, конечно, чтобы излечить больного, но лишь для того, чтобы явить мощь Доброго Бога, торжествующего над Злым.

Ubique daemon!⁸ По Иерониму, весь воздух полон демонами, дрожит от их крика и плача о смерти богов, в каждом цветке, в каждом дереве – демон, потому что он – радость и плодородие, богатство и красота. В качестве Люцифера он приносит день и заключает его светом Венеры, навевающей роскошные, сладострастные сны. Первые века знают только одну религию – борьбу с демоном. Но борьба была нелегка.

В фанатическом безумии церковь нападала на глубочайшие и святейшие узы, связующие человека со вселенной. Она насильственно отрывала человека от природы, вешая его между небом и землей. Тайные связи, единившие с природой душу человеческую, душу, как абсолют, как феномен, не зависящий от мозга, были объявлены сатанинскими, дьявольским обманом глаз.

Люди древности находились с природой в интимнейших отношениях. Они жили непосредственно с природой и в природе, они были частью ее, куском ее нерва, проявившим вонне малейшие перемены природы. И если все изобретения

---

⁸ Всюду демон! – лат.

человеческого духа суть только проекции его организма, то политеистический культ был непосредственной проекцией природы во всей ее благославляющей и разрушающей мощи. И как душа проецирует вовне механизм дела, рассматриваемого ею изнутри, так и природа выявилась в мощных символах языческого культа.

В безумном бою церковь кусок за куском разрывала ту артерию, через которую кровь земли текла в человека. Она уничтожала бессознательный подбор природы, проявляющийся в красоте, силе и мощи; она охраняла все то, что природа хочет отвергнуть, против чего она так мощно восстанет: грязь, уродство, болезнь, калеку, кастрата. Охотнее всего церковь кастрировала бы весь мир, погасила бы свет, отдала бы всю землю в жертву серному дождю; и ее единственным стремлением, ее жгучим желанием было одно – чтобы обещанный страшный суд пришел наконец. Но нерв, артерия не дали себя так легко уничтожить. Особенно народ, земнорожденный, еще крепко коренится в земле. Малейшим случаем пользовался он, чтобы вернуться к своим любимым земным богам.

В кровожаднейших законах изливали свою ярость христиане против язычников, но Демон, то есть земля, природа, был неразрушим. Он уходил в леса, таился в неприступных пещерах, собирал там своих верных и праздновал дикие вакханалии. Но сильнее всего фанатическая ярость ненависти направлялась против Сатаны-мага, Сатаны-целителя. Будь-

те нищи духом и смиренны, будьте покорны, подражайте, не думайте! Таков был высший закон религии темных масс. Но маг был горд, ибо он противился всем законам. Противясь закону тяготения, он подымался на воздух и не тонул в воде. Если он хотел, можно было бросить его в огонь, и он выходил невредимым. Маг был слишком гордым, чтобы подражать. «Я тоже могу обожествиться добродетелью», – сказал Феодор из Мопсуэсты. Маг презирал нищету духа, ибо он изведal все тайны и разгадал все сокровенное. По звездам определял он наследников царей и знал будущее всех народов. Маг был упрямым преступником против всех законов, знающим ясновидцем. Христос демократизировал свое учение. Соучастниками своего восстания против Ветхого Завета он сделал поселян и рабов, которые были более детьми, чем дети. Маг насаждал свое учение только в самых гордых и мощных душах. Против этого упрямого титана направлялась христианская ярость, ненависть нищих духом, поклонников закона и тех, кто не был способен ни на что, кроме подражания. Уже законы Константина налагали тяжелые наказания за магию. И вот, закон следует за законом, один строже другого, пока при императоре Валенте не были истреблены все философы, между ними и гениальный Ямвлих, отравившийся в темнице. Достаточно было иметь философскую книгу, чтобы подвергнуть свою жизнь опасности; избегая этой участи, жители империи сожгли все книги. И вот началось страшное мученичество гордых детей Сатаны, в сравнении

с которым преследования христиан при Нероне кажутся милой забавой.

К этому времени Маг стал жрецом. Вокруг него собрались языческие общины, все остатки язычества присоединяются к магии. Правда, они теряют свою символическую силу, свое содержание. Никто не знал, что означают знаки и символы, но и тут маг нашел выход. Он придал знакам мистическое значение, которое мало-помалу стало действовать как мощное внушение. Слова, значение которых никто не помнил, стали мощным магнетическим средством, с помощью которого маг устанавливал сношение между своим Повелителем и своей душой.

Церковь увидела, что наказаниями и пытками она ничего не может сделать. В ее способности подражать и только подражать она обратилась к «обратному удару», к этому «*choc en retour*», который играет такую важную роль в магии.

Заклинания магическими знаками были заменены церковными обрядами. Магические заклинания парализовали мессой, святой водой изгоняли Сатану, и если маг именем Сатаны собирал грозу, то христианин мог рассеять ее знаком креста.

Но чем дольше длилась борьба, тем больше должна была уступать церковь. Она была вынуждена смешать языческий культ со своим. Вакханалии при празднествах *Ceres Libera* перенесли в процессии на празднествах Девы, и до тринадцатого века народ вместе со священниками праздновал ор-

гиастические празднества, праздник осла, праздник безумцев; остатки фаллического культа прокрались в церковь, капители колонн изобиловали порнографическими фигурами, и излюбленным сюжетом был Ной, прелюбодействующий со своими дочерьми. В особенности же ад. Боже! Как прекрасно! Тут бедному мозгу церковных ученых и теологов, которые так охотно и так наивно и так объемисто списывали друг у друга, не приходилось напрягаться. Аид весьма поражает доброго Евсевия. Ну да, иногда и Демон может иметь хорошие откровения, но все-таки удивительно было то, что язычники так хорошо знали ад. Рабан Мавр в своем описании ада не забывает даже Флегетона, Коцита и Стикса, и в течение всех средних веков ладью Харона принимает за челн Демона.

* * *

Повсюду Демон. Сатана торжествует. Прежде только пугало, средство укрепления власти церкви – он становится теперь всемогущем господином, которого мир боится и старается умилоствовать. Почти боялись дышать, чтобы злой дух не вселился в тело. В четвертом веке появляется чудовищная секта массалиев, которые считают себя одержимыми дьяволом; они беспрестанно бьются во все стороны, кричат, плюют, извиваются в ужаснейших конвульсиях, чтобы оборониться от нечистого, имя которому «легион».

Сатана принимает тысячи видов. Он становится богословом, идет в пустыню и мучит святых отцов соблазнительнейшими вопросами, он сеет в душах их тысячи сомнений и колебаний, он идет в монастыри и возбуждает измученный мозг монахов соблазнительнейшими видениями, он посещает добродетельных жен по ночам, отнимает у них волю и разум и понуждает их к бесстыднейшему разврату; он внедряется в мозг многих тысяч верных и вопит дикие проклятия и богохульства.

Церковь была почти не в силах обороняться от Сатаны. Экзорцизмы занимают в требниках все больше и больше места. Ни одна обедня не происходила с такой пышностью, какая имела место при экзорцизмах; не решаются больше предпринимать религиозных церемоний, не расколдовав предварительно всех углов церкви. При папе Сиксте V изгоняют бесовские чары даже из египетского обелиска, перед тем как поставить его в Риме.

Но чем яростнее ведется борьба со стороны церкви, тем сильнее становится Сатана. Одержимость пересиливает, Сатана издевается над церковью ревущими голосами одержимых, он творит чудеса перед толпами верующих. Он открывает священнику его тайные грехи, он предсказывает вещи, которые действительно сбываются, он подымает тело одержимого в воздух и швыряет его изо всей силы на землю, не причиняя ему ни малейшего вреда.

Церковь хватается за отчаяннейшие средства. Совершен-

но верно предполагая, что всякая сильная страсть предрасполагает человека к одержимости, она запрещает малейшие проявления страсти. Каждая страсть имеет своего демона; если убивают страсть, убивают демона.

Мир в отчаянии. Как оборониться от Сатаны и его соблазнов? Как защититься от вечно, ежечасно поднимающихся похотливых галлюцинаций, от тысяч издевающихся, смеющихся голосов, которые Сатана направляет против Бога? Каждая мысль – грех; девица, бессознательно вызывающая влюбленные вздохи юношей, грешит и уже этим одним, по мнению святого Киприана, теряет девственность. Женщина, которая прекрасна, бессознательно грешит, ибо вследствие красоты своей она уподобилась серпу, которым Сатана жнет свою жатву (Ансельм). Монах, которого демон отвлекает от креста, грешит, ибо вызывает бессилие в борьбе. Супруг грешит, если к делу деторождения уделяет больше интереса, чем любви к Богу. Монахиня, моющаяся больше, чем два раза в месяц, грешит. Всюду грех, всюду вечное проклятие; одной мыслью, одним единственным поступком теряешь право на рай и попадаешь во власть Сатаны. Тому же, кто раз подпал власти Сатаны, спасения нет. Ибо даже святые признают, что многие диаволы презирают экзорцизмы и совсем их не боятся.

И в это время массового психоза, заразной истеро-эпилепсии, распространяющейся со страшной быстротой по всему миру, в это время, когда ежечасно ожидают конца

мира и живут в диком отчаянии перед близящимся Страшным Судом, возникает вера в Параклета, триединого Сатану-Антихриста.

И время, когда он должен был воцариться, уже близилось. *In tempore saeviet*⁹, говорит Киприан, а Лактанций утверждает, что время уже пришло.

Самые страшные предположения царили насчет Антихриста. Он человек греха, он сын погибели, беззаконник, ругатель, преступник. Он родился от папы и суккубы, или же от «*mundissima meretrice et crudelissimo nebulone*»¹⁰. Грех – его стихия, но он велик в грехе. Все, чему учил Христос, он опрокинет, всякий грех подымет до добродетели. Он возвысится до небес, совершит въезд в «храм» и велит расславить себя Господом. Он прикажет убить служителей Христовых и дерзкими, гордыми устами воскликнет: «Кровь их на нас и детях наших». Он совершит чудеса, больше которых не совершал Сын Божий. И мощь его будет, как та, о которой сказано в книге Иова, 41: «Ничью власть на земле нельзя сравнить с властью того, кто сотворен так, что ничего не боится; кто видит все возвышенное и царствует надо всеми сынами высокомерия».

И Антихрист пришел. Но не Антихрист материального господства, а Антихрист духа, гордости и величия: божественный Мани.

---

⁹ В скором времени он будет свирепствовать. – лат.

¹⁰ нечистой блудницы и ужаснейшего негодяя. – лат.

Сатане наскучило неистовствовать в бешенстве эпилептиков, его пресытило жить в распутстве монашеских снов, глупая игра с экзорцизмами более не забавляла его. Богом захотел он стать, Богом, раньше, чем быть в состоянии породить настоящего антихриста. Богом в царстве духа, гордым, диким Противобогом, который оттеснил бы Сына Доброго Бога обратно в его царство невидимого.

Итак, сказал Мани, извечна святая мудрость: есть два бога, равно сильных, равно мощных и противоположных: невидимый Бог Добра, царящий в небесах, не пекущийся о земле и живущий лишь для совершенства своих избранных; и есть другой бог, Бог Греха, который правит землей. Нет греха, ибо грех так же происходит от Бога, как добродетель – от другого, беспечного Бога, который говорит: «не напрягайтесь, подражайте только мне».

Гнозис и манихейство распространились, как по зажигательному шнуру, по всему христианскому миру, и в первый раз возникает вопрос: церковь или манихейство, сказка о свободной воле или действительность детерминизма, бессмысленное подражание или самобытная фантастика мистицизма, покорное рабство или гордый грех во имя Сатаны-инстинкта, Сатаны-природы, Сатаны-любопытства и Сатаны-страсти. Вновь победила церковь. В трехвековой борьбе Сатана принужден был сдаваться. Его первый грандиозный, антихристов Авиньон был разрушен с ужасной жестокостью, и Сатана богохульствует в мрачном отчаянии.

Я – Бог света! Ты, Бог мести, низвергнул меня, потому что я был свет. Твоя ревность к моей красоте, к моему блеску и свету была больше, чем мое могущество, но бойся меня теперь, страшись моей гордыни и ненависти могущественно-го. Я, вечный свет, не сплю, и дети мои, которых я вскормил вечным светом, никогда не спят. Но твои дети, ненавидящие свет, боящиеся света, твои дети, в низком раболепстве ползающие у ног твоих, твои дети, утомленные борьбой со мною, должны уснуть. Смотри! Я князь среди князей, я обращаюсь с ними, я пляшу с ними. Берегитесь!

Миллионы моих я принес в жертву мести, еще миллионы я принесу в жертву, еще миллионы я пожертвую охотно, ибо миллионы – только удобрение для того Единственного, который породит Единственного.

И месть Сатаны пришла. Он внедрился в землю, и земля стала одержимой. В тысячном году человечество начало отчаиваться в Боге. Свершились чудеса и знамения на земле.

Войско Оттона Великого увидело гаснущее солнце, желтое, как шафран. В Риме дьявол собственлично посетил папу Сильвестра; времена года изменили свою последовательность: снег шел весною, и тяжкая гроза разразилась среди морозной зимы. «Святой огонь» пожирал мясо людей, опаленными клочьями оно падало с костей, земля безумствовала, и люди превращались в зверей. Во время голода, посетившего в ту пору все страны, стали есть человеческую падаль. Голод по человеческому мясу стал манией. Прене-

брегали мясом животных, даже не обращали на него внимания. Люди должны были пожирать людей: так пожелал мстительный Сатана. Сперва набрасывались на мясо детей, потом стали жарить тех, кто умирал на больших дорогах, пока, наконец, не нашелся человек, решившийся открыто продать человеческое мясо. И волки появились бесчисленными стадами из лесов и поедали тех, кто еще оставался в живых. И великий страх царил на земле, что она будет лишена населения. И прелаты и старейшины городов собирались и обсуждали, как, по меньшей мере, сохранить в живых сильнейших, чтобы человечество не вымерло!

Тщетно старались умиловить Бога, тщетно злейшие враги клялись друг другу в «*treuga dei*»¹¹, тщетно короли, в короне и со скипетром, пели вместе с певчими молитвы, полные отчаяния – все напрасно.

Если Бог не помогает, Сатана должен помочь! И начали хулить Бога, втапывать в грязь его св. тело, оплевывать его святое знамение. Началась жатва Сатаны. Достаточно долго шептал он, насмехаясь, отчаявшимся: «Смотрите как милостив ваш Бог! Разве вы не видите, что он уже проклял вас и больше вас знать не хочет?»

Ну, если мы прокляты, тогда ничего больше не поможет. *Allons*¹², предадимся всецело Сатане. Христос пролил кровь свою за благо человечества. Хе! Благо?! Что за благо, если

---

¹¹ Божественном перемирии. – лат.

¹² Ну же. – фр.

людям приходится пожирать друг друга, если земля, как раскаленное железо, жжет ноги, и чума гноит мясо на костях.

Пусть трижды осмеяно будет это благо! На что нам благо, которое должно придти после этого земного ада; в конце концов, это грядущее благо – только сон, как все, что было обещано Благом здесь на земле. Ибо гляди! Церковь, святая невеста Христова, стала распутницей, и я продаю ей себя, ведущей позорнейшую торговлю.

В это время, когда было стыдом быть «без земли», когда не было безземельных господ, земля была чем-то неотчуждаемым. Она неделима, как человек, и должна оставаться неделимой. Она переходит к старшему сыну.

Что же оставалось делать другим сословиям? И вот, для чего же существовала церковь? Храм Божий стал синагогой Сатаны, того отца, которому нужна грязнейшая страсть, чтобы породить зло.

Бесчисленные дети баронов и герцогов становились аббатами и епископами. Созывался народ и вот: «выбирай или...» Народ никогда не ждал этого «или», он выбирал. Аттто де-Версейль рассказывает, как шестилетний ребенок был избран высшим ревнителем душ многих тысяч «овец». Он влез на кресло, пробормотал пару фраз из катехизиса и был объявлен епископом. Иногда ребенок забывал свои фразы. Ну, тогда взяли на подмогу голубя, который вдруг опустился ему на голову: и это было еще более благоприятным знаком.

Одновременно весь свет был скандализован почтенными

преемниками св. Петра. Две женщины проводят своих возлюбленных в папы. Судьбами христианства управляют сын еврея и двенадцатилетний мальчик.

Милостивый отец греха доволен. Теперь он уверен в крепости своего господства. Церковь одумалась. Реформы церкви! кричит весь мир. И папа Григорий VII приступает к реформам. Женщина, о, опять женщина, должна быть уничтожена церковью. С дикой ревностью провозглашает фанатический монах-папа безбрачие. Сам монах, он восстанавливает монахов против белого духовенства. Монах бросает свои факелы в народ, и вот начинается страшный террор. Разрушительный инстинкт народа, этого вечно голодного зверя, расширяется безбрежно. Был ли лучший случай отомстить кровопийце, который неистовствовал против народа в тысячу раз хуже, чем владелец замка? И народ бросается на священников, которые с упорством отчаяния отказываются отпустить своих жен, их гонят от алтарей, душат, калечат или рвут на части. Народ топчет, оскверняет, оплевывает то, что еще недавно свято чтит.

Природу насилуют, церковь отталкивает женщину с отращением, как нечистое животное, сатанинскую змею, как воплощение вечной гибели мужчины.

Фанатичный безумец Пьетро Дамиани объезжает всю Италию, и в бесчисленных проповедях, обрушивается на женщину: «C'est a vous, que je adresse, ecume de paradis, amorce de Satan, poison des ames, glaive des coeurs, huppes,

bijoux, chouettes, louves, sangsues insatiabiles...»¹³. Теологи объявили, что надо подальше держаться от женщины, так как земля достаточно населена и все равно скоро погибнет, а Петр Ломбардский устанавливает, как основное положение, что брак есть грех, в крайнем случае, допустимый.

* * *

С природой церковь справилась удачно. Священника оторвали от жены, чтобы он предавался невыразимо лицемерному половому свинству. Его брак был расторгнут, и вот он начинает наставлять рога мужчинам своей паствы. Но, как уже сказано, безбрачие было проведено почти повсеместно.

Теперь церкви оставалось еще справиться с разумом. Если раньше запрещалось исследовать естество Бога, то теперь, вообще и во всем, запрещали прибегать к разуму. Каждое слово соответствует идее, и каждая идея есть существо. Следовательно, грамматика есть логика, а логика – знание.

Этим отделались от разума. Если идея есть существо, то ведь ничего не надо исследовать. Стоит только созерцать мир в своих мыслях, и уже созерцаешь истинное и действительное.

Бросили размышлять и с воодушевлением стали набрасываться на несколько отрывков Аристотеля, которого Гарун

---

¹³ К вам я обращаюсь, отверженные рая, соблазн Сатаны, яд душ, меч сердец, долгогривые, престленицы, совы, волчицы, ненасытные пиявки. – фр.

аль Рашид только что перевел на арабский язык. И вот, комментируют бедного Аристотеля, пишут длинные комментарии на комментарии, калечат отрывки, делают язычника христианином, заставляют его с тонкостью доказывать божественность Слова, предсказывать его мученическую кончину: всю систему христианского вероучения находят развитой и философски обоснованной у Аристотеля. Пустая голова Авицены становится князем мыслителей; два бесплодных мула стали оба великими учеными церкви: Фома размышляет о психологии ангелов, а Дунс Скот изобретает сказочную «*machina cogitationis*»¹⁴: если сон соответствует бытию, то слово соответствует предмету! Великолепно! Но дальше: все комбинации слов суть комбинации вещей и реальностей. Соединять слова – значит познавать. Это соединение, определенное известными формулами, дает нам машины для мышления.

Думать, не думая – так порешила церковь. Сатана-философ, создавший головокружительнейшие философские системы Востока, находивший удовлетворение в поэтических утонченностях Платона, Сатана, раздробивший страшной тяжестью манихейских ересей лучшие головы верных, со злой удовлетворенностью улыбается этому ребячеству.

– Но как же, – спрашивает он у церковных ученых с неопишимо лукавым подмигиваньем, – как же будет, если мужик тащит свинью на базар? Кто тут тянет, мужик или ве-

---

¹⁴ машина, могущая мыслить. – лат.

ревка?

Целое столетие мучительно ломает себе голову над этим вопросом. Мнения разделились, и самые находчивые атлеты тупоумия не могут разрешить этого вопроса. Машина для мышления разбила мышление, и церковь облегченно вздохнула. Но в то самое мгновение, когда церковь спокойно захотела отдалиться своему тихому и нежному делу, сбору десятины, разражается страшная гроза. Абельяр позволяет себе маленькое словечко: «Идея не есть бытие, абстракция не есть реальность».

Красивый и величественный, как бог, так что, по свидетельству летописцев, во всей Франции не было женщины, которая могла бы противостоять ему, необыкновенно ученый для своего времени, вооруженный блестящим даром красноречия, Абельяр начал говорить, как человек, к людям. Он развил и популяризировал ужасающую пустоту церковных учений, и пришел к новым неожиданным заключениям, которые опрокидывали все учения церкви.

Если Ансельм хотел верить, чтобы знать, то Абельяр хотел испытывать и познавать, чтобы придти к вере.

Грех не в деянии, а в намерении. Следовательно, нет греха, но есть кара. Но к чему же весь труд спасения? Это был акт любви. Бог хотел восстановить закон любви, поэтому и послал Сына своего на землю.

Это было страшной ересью для того времени, но философия Абельяра распространилась со страшной скоростью по

всей Европе; у ног его сидел цвет тогдашней интеллигенции, из которого впоследствии выделилось двое пап, двадцать кардиналов и пятьдесят епископов. Церковная философия проникает в народ. Абельяр учит беспрестанно, что каждый должен излагать свои мысли соответственно своему разуму; духовная мощь церкви была надломлена; все начали делать новые заключения. Большие и малые, ученые и неучи, да, даже дети рассуждали о святине и о сокровенном, и св. Бернард жалуется в своих доносах на Абельяра: «*Irredetur simplicium fides, eviscerantur arcana Dei, quaestiones de altissimis rebus temerarie ventilantur*»¹⁵.

Арнольд из Брешии, даровитейший из учеников Абельяра, восстает против папства, он хочет преобразовать церковь по типу первых христианских общин.

С диким воодушевлением слушает народ его учение о власти церкви, которая должна быть только духовной, как того хотел Христос, и в первый раз раздается неслыханный боевой клич: «Рим должен быть свободным!» Папа Люций II умерщвлен, а его преемник, Евгений III, должен бежать, чтобы укрыться от народного гнева. Короли Кастилии велят перевести всего Аристотеля и в их свиту приходят арабы и иудеи с пантеизмом Аверроэса и тонкостями Каббалы. Под покровительством императора Фридриха II арабские врачи позволяют себе неслыханное – вскрыть человеческий труп,

---

¹⁵ Осмеивается вера правдивых, разрушаются тайны Божьи, вопросы, связанные с величайшими вещами, обсуждаются всеми с безрассудством. – лат.

а Фридрих II, вольнодумец и атеист, остроумный и тонкий философ, спрашивает, улыбаясь, мусульман: «Господа, что вы думаете о Боге?»

Дух скептицизма и неверия охватывает все человечество. «Я» выступает с пьяным энтузиазмом. Все доказать и, вместе с тем, опровергнуть доказанное, считается величайшим философским искусством, и Симон де Турнэ, изложив истинность христианского учения, внезапно восклицает: «Ah, petit Jesus, petit Jesus, comme j'ai eleve ta loi! Si je voulais, je pourraisencore mieux la rabaissier!»¹⁶.

Ричард Львиное Сердце объявил себя братом по оружию султана Малек-Аделя и предложил ему в жены свою сестру. Генрих II, король английский, грозил папе, что примет магометанство, а король Иоанн смеется над церковью.

Человек XII века презирает церковь, он думает также, что царство Сына кончилось, и что наступил черед св. Духа. Мессия сменяет мессию, возникают бесчисленные секты, человек не ищет больше Бога, он нашел Его внутри себя, Бог глаголет его устами. В эту эпоху неслыханной до тех пор силы индивидуального стремления, в это время неверия и разлива инстинктов наступила страшная реакция после неудачных крестовых походов. Бог спал, в то время как Мухаммед проявлял свою мощь в победах мусульман. Трубадуры пели меланхолические песни, в которых обвиняли Бога в измене,

---

¹⁶ О, крошка Иисус, крошка Иисус, как я возвысил закон твой! Но если я захочу, то смогу принизить его более, нежели возвысил! – фр.

в том, что он покровительствует мусульманам против христиан, и даже Людовик Святой предупреждает Бога, чтобы он дал его народу спокойно добраться до родины, «qu'il ne sort contreint renier ton saint nom»¹⁷.

Но предостережение не помогло. Вместо того, чтобы прекратить страшные пытки, Бог обрушил еще большие мучения на отчаявшееся человечество. Народ искал только подходящего случая, чтобы совершенно отпасть от Него. И случай пришел. Славянский Сатана, который, наряду с Добрым Богом, в качестве равноправного принципа зла правит миром, Чернобог или дьявол, собрался в путь, чтобы железными кулаками потрясти основы церкви.

Из Болгарии, через Константинополь и Италию идут богомилы и основываются, сильно поредев на пути, на юге Франции.

Юг Франции издревле был обетованной землей всяких ересей. Он был любимой резиденцией Сатаны. Он был классической почвой волхвства и ведовства и отсюда, уже позднее, чума ведовства распространилась по всей Европе. Весь юг был переполнен евреями и сарацинами. Раввины повсюду имели здесь открытые школы и служили соединительным звеном между арабами и христианами. Через их посредство проникли из Салерно и, в особенности, из Кордовы, разные знания, так щедро употреблявшиеся для преступных целей: дистилляция, сиропы, мази, первые хирургические инстру-

---

¹⁷ Иначе он согласится отречься от твоего святого имени, – фр.

менты, арабские цифры, арифметика и алгебра.

Одновременно большое влияние на совершенно не христиански настроенный народ имели каббалистические учения евреев. Уже в волшебных книгах Ашми-даи есть прекрасные рецепты, как заклинать Самаэля (ср. Самиеля немецких сказок) и понуждать его к услугам. Естественно, он служил только злым целям. Великая мощь, уделенная ему Богом, и его слуги-дьяволы (сатаним) живут всегда в человеке и искушают его.

Здесь на грани европейской и значительно превосходящей ее мистической культуры Востока вновь поселился старый манихеизм в помолодевшем виде, и отсюда Сатана начал свое чудовищное триумфальное шествие через всю Европу.

Противно учению церкви, что добро есть единственная основа, зло же только присоединилось к ней, как нечто случайное, через грех человечества и в сущности своей означает только исключение, новые манихеи, катары, учат: добро и зло в равной мере субстанциональны; и то и другое, хотя противоположно, но равно существенно, и эта противоположность уходит вглубь до самых корней бытия и распространяется даже на божество.

Грех поэтому не является виной, продуктом свободной воли, он не повторяется, как следствие свободного акта, но есть дело Черного Бога. Нет, значит, греха, так как злое деяние есть следствие желанья Злого Бога, вечное проклятие – нелепое изобретение, ничтожны и смешны исповедь и пока-

ание, ибо раскаяние после злого дела так же бесполезно, как «если бы собака укусила камень», как сказал бы Ницше.

Nous voila en plein satanismel¹⁸

Но так же, как они признают Доброго и Злого Бога, они и в человеке отделяют духовное от телесного. Телом человек принадлежит Черному Богу, душой Светлому. И вот в секте произошло разделение: те, кто решился следовать Светлому Богу, жили в невероятной строгости нравов и мертвящем аскетизме, они были ревнителями и распространителями секты, им поклонялись, как святым, и они имели силу простым наложением рук очищать человека в его предсмертный час и предавать его в руки Доброго Бога.

Другие же, поклявшиеся Злому Богу, основывали тайные сообщества и праздновали в лесах, пещерах и на вершинах гор свои темные, плотские мистерии.

Так повторяется противоположность между христианством и язычеством внутри одной и той же секты, но на этот раз противоположение необходимо и освящено учением. Владея восточными тайнами волшебства, «совершенные», «perfecti», совершали странные чудеса, и секта распространялась со страшной скоростью. Образовались тысячи маленьких сект, которые все, под именем катаров, разлагали и уничтожали христианскую веру: основывались тайные общины, преследовавшие исключительно распутные це-

---

¹⁸ Полный сатанизм! – фр.

ли. Мало-помалу теряется исключительно философски-спекулятивное ядро манихейского учения, но основная черта остается, в ней сходятся все разнообразные секты – дикая, фанатическая, доведенная жестокими преследованиями до иступления ненависть к христианскому учению.

Особенно ненавистен им был Бог Ветхого Завета. Он, по их мнению, был несправедлив и неправдив. Ведь знал же он, что Адам и Ева умрут от древа познания, почему же он дал им вкусить? Но он не сказал правды, ибо прародители не умерли! Он убивал без разбора. Виновным и невиновным дал он погибнуть в Содоме и Гоморре и т. д., и т. д. Христиане говорят, что Добрый Бог пострадал на земле крестной смертью. Это – профанация, говорили «perfecti». Как может Бог страдать, как, вообще, Он может сойти на землю, если земля уже принадлежит одному Богу? Как Бог может есть и пить, что делал Христос? А грех? Хе-хе, чем же отличаются функции половых желез от функций желудочных? Если мы не грешим едой и питьем, то, как же можем мы грешить деторождением? *Nemo potest peccare ab umbilico et inferius!*¹⁹

Страшен был гнев катаров против церкви. Рим – притон разбойников, Рим – апокалипсическая блудница, о которой написано в Апокалипсисе... Ну, в этом они не так ошибались. Они ругались над священниками и умерщвляли их всюду, где те попадались им в руки; употребляли священные предметы для самых грязных целей, и большая часть

---

¹⁹ Никто не может согрешить от чрева и пуповины. – лат.

их ритуала представляет собой исключительно пародию на католический культ. В их сходбищах, в их пародийных мессах – уже целиком преобразован шабаш, даже в деталях. В позднейшем шабаше вряд ли можно найти новую подробность, разве только повышенный экстаз, вызванный искусственными средствами возбуждения. При принятии каждый неофит должен был отречься от католической религии, оплывать крест, отказаться от крещения и миропомазания. После этого все собрание целовалось с ним и ему возлагали руки на голову.

Церковь была бессильна против секты, росшей с неимоверной быстротой. Она была прекрасно организована, имела могущественного папу в Тулузе и держала собор в Лионе. Жители Лангедока побили священников, заставляя их для насмешки служить мессы, рвали на них богослужебные одеяния и украшали ими женщин. «Hugo faber juxta altare purgavit ventrem et in contemptum Dei cum palla altaris tersit posteria sua»²⁰, повествует хроника об одном из таких фанатиков.

И вот стали проповедовать крестовый поход против еретиков. Св. Доминику, творцу инквизиции, было поручено это дело. Он, неутомимый печальник, проливавший во время молитвы потоки слез, стал одним из самых жестоких палачей, каких помнит мировая история. Во главе крестово-

---

²⁰ Мастер Гуго очищал свой кишечник у алтаря и, в знак презрения к Богу, вытирал свой зад алтарным покрывом. – лат.

го похода стал граф Симон де-Монфор, христианнейший из всех князей, большинство которых было катарами. И вот началась страшная резня.

При взятии Безье было вырезано 60 000 человек, христиан и катаров, безразлично. «Caedite omnes, novit enim Deus, qui sunt ejus!»²¹ – кричал аббат Сито, когда хотели пощадить христиан. Сам он просил извинения у папы Иннокентия III, что смог убить только двадцать тысяч. Жители бежали в леса и горы; толь ко каркассонцы остались. Но никто не решился защищать Каркассон. Сотни были повешены и пятьсот сожжено. Альбигойцы рассеялись и бежали в замки знатных. Но, одна за другой, крепости были взяты.

При взятии замка Минерва обещали жизнь тем, кто обратится. Тем не менее, их сожгли. *S'il ment il n'aura que sequ'il merite, s'il veut reellement se convertie, le feu expira ses peches!*²². Такова была обычная формула при этой слишком частой процедуре. Рыцари Святого Духа убивали, вешали, жгли, колесовали не одиноких личностей, но сотни и тысячи. Под Лавуром – несколько сотен «avec une joie extreme»²³, под Морильяком и Тулузой – двенадцать тысяч «avec une joie indicible»²⁴. Весь юг был разрушен. Не оставалось камня

---

²¹ Убивайте всех, ибо Господь знает своих! – лат.

²² если он лжет, то он получит по заслугам; если он искренне желает обратиться, то огонь очистит его от грехов. – фр.

²³ с крайней радостью. – фр.

²⁴ с несказанной радостью. – фр.

на камне. Все замки были скрыты, графы и бароны повешены или сожжены, а знатные дамы, из галантности, побиты камнями. Церковь считала себя торжествующей. Но никогда Сатана не чувствовал себя более могущественным, чем теперь. Разрушили только форму его церкви, но что значит для него видимая форма? В сердцах своих народ остался верен ему, он скрылся в подземные катакомбы, прятался в горных ущельях и никогда раньше не поклонялись ему так искренне, так преступно, как именно теперь после падения антихристианской Тулузы. Едва замолкли на кострах последние, пенящиеся ядом проклятия альбигойцев, как гордо и могущественно подняла ужасную голову новая жрица дьявола, ведьма... Но почва должна была быть заранее хорошо обработанной, возможно больше должно было показаться ядовитых всходов, чтобы чума могла разлиться возможно быстрее. Старая аллегория повествует, что Сатана решил однажды взять женщину, чтобы умножить свое потомство. Он соединился с Безбожием и родил от нее семь дочерей. Когда они выросли, он выдал их замуж за людей. Старшую, Гордыню он дал сильным мира сего, Скупость – богатым, Неверность – черни, Зависть – художникам (тогда еще не знали критиков), Суетность – женщинам. Седьмая дочь, Блуд, осталась одинокой. Никому не отдал Сатана любимую дочь, он оставил ее для всех.

И, кажется, никогда люди не были так безумно экзальтированы, как к концу исторического XIII века.

Гистеро-эпилепсия была тогда столь же обычной, как в наши дни чахотка; почти каждый человек был немного прокаженным, а известно, что у прокаженных особенно сильна жажда полового удовлетворения. Суккубат и инкубат разрушали малокровное человечество, повсюду видны были женщины, которые вдруг бросались наземь, подымали юбки и извивались в половых судорогах. И эта половая истерия только еще более питалась положением альбигоцев, глубоко проникшим в народ: «*nemo potest peccare ab umbilico et inferius*»²⁵.

Священники пошли еще дальше. Они учили, что всякое деяние святого – свято, и что священник освящает всех женщин, с которыми грешит. Эти теории были настолько в ходу, что народ в Испании и Франции называл монахинь «*consacrees*», то есть метрессами священников.

Под влиянием этих учений церковь шла навстречу своему полному распаду. Францисканец Эд Риго отмечает в своих дневниках доказательства страшной развращенности монастырей, а повествования св. Бертина переполнены такими ужасающими рассказами о монастырской жизни, что обычная в средние века содомия кажется в сравнении со всем этим невинной забавой.

Церковь была безгранично унижена, осмеяна, но последний удар нанес ей Филипп Красивый. Он разрушил до корня тот незначительный авторитет, какой еще оставался у церк-

---

²⁵ Никто не может согрешить от пуповины и чрева. – лат.

ви в глазах народа.

Посреди людей, издыхавших от голода, посреди монархий, разлагавшихся от недостатка денег, в эпоху, когда каждый король должен был сделаться фальшивомонетчиком, церковь одна обладала неизмеримыми богатствами. В Германии епископ был князь, могший содержать армию, в Англии церковь владела половиной всей земли, то же было и во Франции.

Конфисковать церковь, такова была всеобщая мечта. Эдуард I натравливал солдат против духовенства и запретил судьям принимать его жалобы, а Филипп Красивый властно требовал то десятую, то пятую часть неизмеримых доходов церкви. На троне св. Петра сидел в то время клятвопреступный адвокат, получивший очень грустную известность благодаря весьма сомнительной критике, дикий атеист, унижавший церковь грязным богохульством, *le peretres fecund*²⁶, папа Бонифаций VIII. Церковь можно было ругать и осмеивать сколько угодно, это делал и сам папа, но что касается требований от него десятины, нет, этого он не мог допустить. Папа издает одну буллу за другой против Филиппа Красивого. Ответ на них папа получает от Ногаре, канцлера Филиппа; в этом ответе между другими красивыми словами говорится: «*Sedet in cathedra beati Petri mendaciorum magister, faciens se, cum sit omnifario maleficus, Bonifacium nominari*»²⁷.

---

²⁶ очень плодовитый отец. – фр.

²⁷ На кафедре блаженного Петра сидит фальшивый учитель, который, будучи

Папа неистовствует. Ногаре и Колонна едут в Рим, чтобы лично передать ему ответ. Над восьмидесятилетним стариком насмеваются, осыпают его оскорбительнейшими ругательствами и, когда он отваживается вскипеть, железная перчатка Ногаре дает пощечину наместнику Христа.

Это переполнило меру народного терпения. Народ освобождает папу, разум которого помутился. Папа дает народу отпущение от всех грехов, кроме святотатства, и умирает, одержимый дьяволом. «Ты взойдешь на престол, как лисица; будешь править, как лев, и умрешь, как собака», – сказал о нем его предшественник папа Целестин.

Церковь опускается все глубже. Бенедикт XI, преемник Бонифация, издает 7 июня бешеную буллу отлучения, а 4 июля уже умирает. Его отравили.

Смерть его окончательно отдает церковь в руки Филиппа Красивого. Филипп назначает Бертрана де Го, епископа Бордо, папой под строгим условием, которому тот должен был присягнуть.

Новый папа Климент начинает свое славное правление путешествием, во время которого обирает и грабит, где только может, и разоряет весь французский клир. Его метресса Брунисенда Талейран де-Перигор стоит ему больше, чем все крестовые походы вместе взятые.

Но десятина с доходов церкви, которую Климент обязался уплачивать Филиппу, не удовлетворяет короля. Папа выда-

ет ему евреев. Операция была произведена быстро. Под защитой папы король уменьшил вес монеты и повысил ее цену. Произошла неслыханная путаница, дошло до восстания, после чего король приказал повесить несколько сот главных крикунов вокруг стен Парижа.

Но королю было мало того, на что соглашался папа. Король хотел большего: он затевает против папы Бонифация обвинение в ереси.

Это было фатальное положение. Если папа Бонифаций был еретиком, то еретиками были и его кардиналы, а ими был избран Климент, следовательно, его избрание тоже недействительно.

Климент извивался, как змея. Он старался смягчить короля назначением новых кардиналов, поставив тем самым выбор всякого будущего папы в зависимость от короля; он уничтожил буллы Бонифация VIII, что дало королю разрешение на все виды святотатства, он дал сыну Филиппа титул короля Наваррского, а также сделал его брата Карла Валуа главой рыцарей Креста. Все еще мало!

Процесс против Бонифация был отложен, но папа должен был выдать королю тамплиеров.

Уничтожение этого ордена, процесс, задним числом начатый против папы Бонифация VIII, дикий блуд пап в Авиньоне привели народ в страшное возмущение. Сатана, являвшийся ранее свои дела только через магов, живший в нескольких тайных сообществах, стал теперь единственным богом.

Манихейские традиции снова дают пышный цвет, власть его становится безграничной.

Все, чего нельзя ждать от Бога, требовали от Сатаны. Бог все дары свои сохранил для потустороннего мира, ничего, кроме мук, не посылает он в этот мир.

Тут должен был помочь Сатана. Он один был тем, кто мог дать силу слабым, честь – униженным, месть – оскорбленным, взаимность – любящим. Он один был отцом и божеством бедных, огорченных, презираемых.

Он повсюду, в каждом доме, на каждом шагу встречается человеку, его продают даже в закупоренных бутылках на рынках и он сказочно размножается за это время. По вычислению Бодинуса, население ада составляют 72 князя и 7 405 926 простых чертей. Сыплются жалобы. Епископ Труа, Гишар, околдовавший супругу Филиппа восковым изображением, которое он колол гвоздями, был сожжен. Сноха Филиппа, Маргарита, была обвинена в волшебстве и брошена в подземную тюрьму, другая сноха – Жанна, удушена, а третья, Бланка, изнасилована в тюрьме подручным палача и забеременела от него.

Следует ужасающий ряд преступлений. Жену короля отравляют, Филиппу Красивому подносит яд его министр, а графу Фландрскому – его собственный сын.

И то же повторяется при сыне Филиппа, Людовике X.

Ангерран де Мариньи повешен, потому что его жена хотела околдовать жену короля. Пьер де-Латильи, епископ Шало-

на, колесован, потому что, вероятно, он вызвал смерть короля колдовством; той же участи подвергается Рауль де-Прель, *advocatus graecipuus*²⁸ – ему каждую кость отдельно переломали во время пыток.

Вот были роскошные времена! Сатана потирал себе руки при виде неизмеримой жатвы. Изабелла, дочь Филиппа Красивого, собственноручно вырывает глаза Спенсеру, любимцу ее супруга, Эдуарда II английского, и с удовольствием присутствует при совершаемой над ним оскорбительной операции. Когда это не помогло и король не мог оставить содомию, Изабелла спросила епископа Герефорда, что ей делать с королем, и получила следующий пифический ответ: «*Eduardum occidere nolite timere bonum est!*». Так как епископ не поставил запятой, то королева поставила ее после *occidere* вместо *nolite* и король был коварно убит служителями его нежной супруги.

Я привел еще мягкий пример.

* * *

«Золото, – говорит Христофор Колумб в письме к Фердинанду после четвертого путешествия, – золото – прекрасная вещь. Из золота образуются сокровища. Из золота делают все, что угодно, в этом мире. С помощью золота можно

---

²⁸ выдающийся адвокат. – лат.

провести душу в рай». Да! Золото было нужно, и золото стало в 1300 году новым богом. Церковь превратила его в мертвую материю, в кресты, хранилища, кубки. Гранды употребляли золото на украшения и роскошь. Не было больше просто золота. Уже Ричард Львиное Сердце хотел продать Лондон, но ни у кого не было золота. С бешеной алчностью бросились на поиски золота: Раймонду Луллию, Никола Фламелью, Гельмонту, кажется, удавалось уже делать золото, но секрет всегда разлетался.

Народу нужно было золото какой бы то ни было ценой. Князь земли владел им, хранил его и давал его, но за это нужно было отдавать ему душу. Да, это был роковой предмет. Но у жида было золото! Жид, это нечистое животное, стоявшее в связи с дьяволом, знал, где золото. И на еврея бросались, жгли его, грабили, но и его золота не хватало. Ничто не помогало, приходилось отдаваться дьяволу.

И золото стало настоящим антихристом, Сатана превратился в золото, сделал церковь продажной блудницей, правительство шайкой фальшивомонетчиков, судей – негодяями, священников – бесстыдными лихоимцами, чистейшую женщину – распутницей, а истиннейшее убеждение – низкой клеветой.

Тамплиеры имели золото, и их уничтожали, церковь имела золото – и ее поработили, еврей имел золото – и его жгли. Дворяне, доведенные до отчаяния скверным качеством монеты, бросаются на мужика, отнимают у него все и, если

у него больше ничего нет, ставят его на раскаленные уголья. Конечно, мужик зарыл золото, он только не хочет выдать его.

И народ, доведенный отчаянием до безумия, восстает с ужасающим зверством, чинит неслыханные ужасы и снова падает, повергнутый на землю.

Уже во времена Людовика Святого толпы мужиков бродят по всей Франции, грабя и убивая. Они режут священников, оскверняют св. дары – опять то же самое! пока их не разгоняют и не уничтожают «*quasi canes rabidi passim detruncati*»²⁹, говорит Нанжи со злобной удовлетворенностью.

В следующем поколении вновь страшное мужицкое восстание. Опять оно подавлено и мужики, после ужасающих пыток, повешены: *illic viginti, illic triginti secundum plus et minus suspendens in patibulis et arboribus...*³⁰

Самые тяжкие и самые яростные восстания повторились в Лангедоке в 1381 году. Крестьяне набросились на знатных и священников. Они немало позабавились с ними. Приэре де ла Брюйер, предводитель шайки, приказывал отрезать им пальцы, сдирать кожу с тонзуры и сжигать их потом *a petit feu*³¹. Дело обстояло очень плохо: *L'on craignait que toute la gentillesse ne perit*³², говорит Фруассар. Крестьяне расплачи-

---

²⁹ которых повсюду калечили, словно бешеных собак. – лат.

³⁰ там двадцать, а там, примерно, тридцать повешенных на виселицах и деревьях. – лат.

³¹ на маленьком огне. – фр.

³² Боялись, как бы вообще не исчезла доброта. – фр.

вались за века страданий, за побои и голод, за кровопийство знати.

Опять восстание подавили с ужасным зверством; знать была более утончена в применении пыток, чем крестьяне.

Крестьянин должен был предаться дьяволу. Он один питал к нему сострадание, он один давал ему несколько часов счастья, ибо он один давал ему возможность отомстить знати, для которой крестьянин вовсе не был человеком.

Многочисленны были муки, которыми дворянин помогал крестьянину здесь, на земле, искупить часть его грехов.

Знаменитый Гуго Гиз ввел в моду потчевать крестьян пинками и заставлять их лаять по-собачьи.

Другим традиционным развлечением было бросить крестьянина в кадь, в которой обычно ставили тесто, перевернуть кадь, притащить его жену и изнасиловать ее тут же на кади. А если еще попадался ребенок, тогда удовольствие достигало полного размера. Привязывали дитя короткой веревкой к ноге кошки. Чем больше дитя кричало, тем бешенее становилась кошка. И вот картина: мужик вылезает из бочки, совсем белый от муки, выглядя как самый смешной в мире клоун, жена его плачет и дрожит всем телом, дитя залито кровью, изодрано бешеной кошкой. *Jus primae noctis*³³ было тоже хорошим изобретением, чтобы рассеивать скуку знати.

Правда, в смысле половых наслаждений знать была в до-

---

³³ Право первой ночи. – лат.

статочной степени утомлена, но божественное зрелище – видеть отчаяние рогатого мужа! А если он противился, Боже, как забавны были его крики, когда ему задавали трепку. И если он и тогда не успокаивался, то его вешали.

Таковы были три главных увеселения знати. При первом смеялись, при втором – смеялись до слез, при третьем – при гримасах повешенного – прямо-таки лопались от радости. И при таких-то обстоятельствах народ должен был быть богобоязненным! И вот пришло время, когда казалось, что все человечество сошло с ума. От чумы, разразившейся в 1347 г. и продолжавшейся 16 месяцев, вымерла добрая четверть населения Европы. За чумой пришел голод, люди ели нечисть и собак, «chair et trippes»³⁴. После этого – опять эпидемия и опять голод. Все люди бродят с места на место, никто не работает, все в безумном отчаянии ожидают смерти. «Faisons, – так кричали сельские жители, – aux bois avec les betes fauves. Adieu les femmes et les enfants! Faisons le pis que nous pourrons. Remettons nous en la main du Diable»³⁵. Восемьсот тысяч безумных флагеллантов странствуют по всей Франции, весь народ заражен эпилептической чумой и начинает плясать и перед лицом верной смерти впадает в оргиастический бред, сметающий все преграды.

Сумасшедший народ управляется сумасшедшими коро-

---

³⁴ плоть и требуху. – фр.

³⁵ Отправляемся в леса с хищными животными. Прощайте, женщины и дети. Хуже всего, что мы разлучаемся. Отдаемся в руки Дьявола. – фр.

лями.

Во Франции – жалкий идиот Карл VI, потерявший последние остатки разума на диких оргиях авиньонского папского двора. В Богемии – император Вацлав, которого никто никогда не видел трезвым, бешеный безумец, перед кем никто не был уверен за свою жизнь. В Португалии – мрачный маньяк дон Педро, сошедший с ума от тоски по своей покойной супруге. Папа Бенедикт XIII низложен, и римляне неистовствуют против его заместителя Бонифация.

Пренебрегают всеми небесными радостями и не забывают в экстатических оргиях страшного отчаяния сердца. «Rien ne niest plus, plus ne niest rien!»³⁶. Эти отчаянные слова вдовы убитого герцога Орлеанского кажутся эпиграфом всего столетия. Нет больше короля – и, что еще хуже – нет больше папы. Пьер О'Бэ читает в Париже собравшемуся народу королевское послание, что отныне не должно повиноваться ни римскому папе, ни авиньонскому; папских послов влекут по улицам в папских тиарах, и какой-то знатный монах кричит к величайшему увеселению народа, «quod anum sordidissimae omasariae osculari mallet quam os Petri»³⁷.

Магия попадает в невероятный почет; Сатана становится популярным и всякие волшебные искусства пользуются большим успехом. Во дворце короля собираются колду-

---

³⁶ Ничего не существует более, более ничего не будет. – фр.

³⁷ что предпочтительнее целовать зад самой грязной потаскухи, нежели уста святого Петра. – лат.

ны всех стран и заклинаят бесов, которыми одержим король; на колоссальнейших сковородах сжигают редкие травы, принесенные в Европу цыганами; бедный король забавляется волшебной книгой Смарагд; толкут жемчуг и дают магам драгоценную пыль, чтобы они могли подчинить бесов, весь народ, даже клир, принимают участие в этих заклинаниях. Никола Фламель строит гигантскую лабораторию, чтобы добыть золото; посреди Парижа, совсем рядом с Церковью Сен-Жак составительница ядов делает прекрасные дела, продавая свои изделия герцогам, а в это время народ исполняет на всех вершинах распутные пляски в честь князя тьмы.

Сатаны больше не боятся, его любят. Даже в одеянии подражают ему. Женщина носит рога на голове, бесстыдно обнажает груди и сладострастно выставляет живот. Платье мужчины становится узким, как трико и расширяется волшебными знаками. Обувь кончается острым когтем, а половые органы помещены в особый мешочек, чтобы быть на виду.

Стулья дам походят на церковную мебель, кровати – на исповедальню, а ткани, в которые они одеваются – на драгоценную парчу священнических риз. Время пришло. Вмиг мощно расцветает секта дьяволопоклонников, из Франции она распространяется по целому миру, растет и растет безостановочно. Не стало такой деревни, где не было бы верной и преданной общины Сатаны, совершавшей бесчисленные преступления, а по ночам праздновавшей распутные оргии в честь Дьявола.

Часть вторая

Культ синагоги сатаны

С грустной покорностью катары признавали, что материя – зло, что все, происходящее через развитие, все, существующее рождением и продолжением рода – удел князя тьмы.

Народ вполне разделял эту концепцию. Ведь церковь сама же, в своей ненависти к природе и инстинкту, сатанизировала мир; а в тех хитроумных измышлениях, которыми церковь старалась спасти нравственную свободу, народ ничего не понимал. Для народа все теории о зле были простым отрицанием, все софистические измышления о грехе и побуждении ко греху – совершенно чуждыми; все это было нечто замкнутое, над чем несколько отцов церкви утруждали свой мозг. Для народа, как вообще для всей христианской реальности, существовал вполне определенный дуализм между мирским и небесным. Одно было зло, другое – добро. И стало ли зло злом только постепенно или же существовало изначально, как вторая бесконечность, до этого никому не было дела. Средние века ничего не знают о Боге; Он и на картинах появляется рядом с Сыном только с XIII века, а Сына народ отдал богословам; все средневековье знает только одну религию, один страх и одну надежду – Сатану.

Злые демоны окружают со всех сторон человека, «как будто кто в море нырнул и окружен со всех сторон, снизу и сверху водой». Иногда они обступают его «плотным сводом, так что между ними нет даже отверстия для воздуха». «Количество бесов так же велико, как и число атомов солнца; в каждой складке жизни сидит демон. Ни в какое время и ни в каком месте человек не обезопасен от них».

Сатана – единственный истинный властитель земли и человека, он не слуга, не «обезьяна Бога», как злобно называет его Ириней, но извечно – бог, сфера влияния которого глубоко проникает в область белого, бесконечного Бога, ибо он тот, кто научил детей светлого Бога возбуждать в себе экстаз, он был тем, кто навел святых на мысль парализовать злые чудеса при помощи «*choc de retour*»³⁸, и он один – отец жизни, продолжение рода, развития и вечного возврата.

Не зло, но добро есть понятие отрицательное. Добро есть отрицание страсти, которой все творится, ибо каждая страсть имеет своего беса. Добро – отрицание жизни, ибо всякая жизнь есть зло. Сатана – положительное, вечное в самом себе. Он бог мозга, он правит неизмеримым царством мысли, которая вновь и вновь опрокидывает закон и разбивает скрижали; он зажигает любопытство отгадать сокровенное, читать в рунах ночи, он дает преступную отвагу уничтожать счастье многих тысяч, чтобы дать возникнуть новому, он подстрекает злые вожеления, которые в алчбе новых

---

³⁸ возвратного удара. – фр.

условий существования взрывают землю, приближают отдаленнейшие дали, сводят небо на землю и перемешивают, как игральные кости, царства мира.

Преследуемый, уничтоженный, он опять вырастает из собственного пепла мощнее и прекраснее, чем когда-либо, и, вечно побеждаемый, остается вечным победителем. Тысячу раз церковь думала, что уничтожила его, и при этом сама осатанела и погибла и ожила, с головы до ног.

Ибо сатана есть вечное зло, а вечное зло – жизнь. Все, что было великого, произошло против закона как яростное отрицание отрицания. Злым было упрямство великого е *pur si muove*³⁹, злым было любопытство, погнавшее Колумба в неведомые страны, а звездочтению приписывались все несчастья, градобития, эпидемии и голод.

Добром была гордость Григория Великого, восхвалявшего свое постыдное невежество и запретившего духовенству изучать даже грамматику. Добром была восхитительная наивность святого Франциска Ассизского, который целыми днями подражал *ad majorem Dei gloriam*⁴⁰ крику ослов, стоявших вокруг яслей Спасителя; добром было умерщвление воли, малейшего самостоятельного стремления; добром было глупое, до бессмыслия доведенное «*imitatio*»⁴¹.

Во имя Сатаны Ницше учил переоценке всех ценностей,

---

³⁹ и все-таки она вертится (слова Г. Галилея). – ит.

⁴⁰ к вящей славе Божьей. – лат.

⁴¹ подражание. – лат.

во имя его антихрист грозит преобразованием миру законов, во имя его творит художник, произведения которого читают или смотрят тайком, но не его милостью правит презренная глупость неизмеримыми толпами людей, для которых единственный закон существования, развитие, есть преступление: развитие в религии – бесовская ересь, развитие в искусстве – признак размягчения мозга, развитие в политике – государственная измена, а развитие в жизни – наказуемая извращенность.

Таков Сатана в истории человеческого развития, *ipse philosophus, daemon, heros et omnia*⁴², отец знания, факел, освещающий человечеству глубочайшие пропасти жизни, отчаянный мыслитель, который вечно снова должен рисовать свой, разрушающий глупости, круг, беззаконник и бунтовщик.

Этот Сатана-Самиаза – отец магов, «математиков», как называли всех, кто занимался сокровенными науками. Он был малодоступным, мрачным аристократом, открывавшим свои загадки лишь немногим: Агриппе, Парацельсу, ван Дее, Гельмонту. Только сильным давал он заклинять себя, а служителей своих посылал он на землю, чтобы они раздували страсти, сеяли ненависть и преступления, учили людей гордыне и высокомерию, приводили в ярость их пол, чтобы кровь смыла осторожность и благоразумие, чтобы они разбудили зверя, который не остановится ни перед каким пре-

---

⁴² он – и философ, и демон, и полубог, и все. – лат.

ступлением для удовлетворения своей страсти.

В царстве Сатаны живет только один закон, *arebours*⁴³, переоценка всех ценностей, освященных законом.

И слуги Сатаны-Самиазы пришли в мир в то время, как он, Люцифер, параклет человечества, занимался с магами в замкнутых лабораториях «черными» тайнами волшебства.

Слуги Сатаны скоро завладели землей.

Это было нетрудно. Народ в сердце своем остался вполне языческим. Но народ был в отчаянии, был доведен отчаянием до безумия. Он ненавидел христианство и ненавидел «обетовавшего спасение и уготовавшего только муки». Но больше всего народ ненавидел церковь, неверную, предательскую, распутную и коварную церковь, которая в ненасытной жадности вымогала отлучениями, интердиктами, проклятиями последний грош у крестьянина и последний кусок земли у дворянина.

Народ презирал епископов, которые в своих ссорах упрекали друг друга в «прелюбодеянии, разврате и лжесвидетельстве». Синоды Тура, Арля тщетно старались бороться с безмерным пьянством духовенства, ограничить его хотя бы настолько, чтобы клирики не сваливались с ног во время богослужения; с X века епископ перед посвящением в сан должен был клясться, что он был далек от следующих наслаждений: *pro arsenochita, qu. e. cum masculino; pro ancilla Deo sacrata, quae Francis Nonnata dicitur; pro quatuor pedes et pro*

---

⁴³ закон наоборот. – фр.

muliere – viro alio conjuncta, aut si conjugem habuit ex alio quod Graecis dicitur deuterogamia⁴⁴.

А как высоко поднялись христианская любовь и кротость с милосердием, свидетельствует крайне характерная и вовсе не единичная булла отлучения, которую Климент VI издал против Людовика V 13 апреля 1346 года и в которой он закликает божественное могущество, чтобы оно его (Людовика) побило бы силою правой руки, преследовало бы его и свергло его в неожиданные тенета. «Да будет он проклят, когда выходит, да будет он проклят, когда возвращается. Да пошлет на него Бог дух безумия, глупости и заблуждения. Да пожрет его огонь небесный». После того как земле вменено, чтобы она разверзлась и поглотила его, дальше говорится: «Пусть дети его будут изгнаны из их поместий и на глазах отца попадут в руки врагов».

И в это время постоянных запрещений священникам посещать кабаки, появляться пьяными у алтаря, заниматься противоестественным распутством, в эпоху, когда, как гласит вступление к некоему совещанию, «наши грехи накопились выше головы, наши преступления выросли до небес, разлились распутство и прелюбодения, безбожие и убийство, и кровь умерщвляет кровь» – в это время слугам Сатаны не было слишком трудно отречься от божественного и

---

⁴⁴ в арсенохитии, т. е. с мужчиной: с рабыней, посвященной Богу, которую зовут Francis Nonnata; с четвероногим и женщиной, сочетавшейся (браком) с другим мужчиной; либо же если он имел такую связь, которую греки называют деутерогамией (двоеженством). – лат.

святого, осквернять его и в отвратительнейших оргиях смеяться над его бессилием. Легко понять, что народ не умел отделять личности от предмета, при каждом случае бросался на священные предметы и осквернял церкви грязью.

Народ ненавидел христианство. Только представление об аде и адской каре удерживало его в узде. Pix, nix, pox, vermis, flagra, vincula, pus, pudor, horror⁴⁵, которые ожидали каждого христианина в месте казни, в глубокой, ужасной, пахнущей серой дыре, где черти играют душами в лапту, а также пускают в ход тиски для пальцев, испанские сапоги, колесо и дыбу, – это дикое, невыразимо грязное представление об аде было единственным средством, которым церковь связывала человека в средние века.

Проповеди почти исключительно вертелись вокруг черта и адских казней; священники подтверждали плоды своей дикой фантазии, опираясь на Ветхий и Новый Завет. Ночные сборища еретиков и их мрачные служения давали реальную почву для проповеди. Евреи и арабы распространяли в народе волшебные искусства, учили приготовлению мазей, настоев; цыгане распространяли по всему свету ядовитые напитки, опьяняя народ; эпидемические душевные заболевания, протекавшие при страшных симптомах – все это вывело из равновесия слабый мозг крестьянина, и истерическое воображение его получило богатую пищу. Малейшее происшествие разрасталось до чудовищных размеров, самый тихий

---

⁴⁵ Смола, снег, тьма, червь, плети, цепи, гной, стыд, ужас. – лат.

шум становился неслышанным грохотом, и болотный огонек вырастал до размеров гигантского солнца. Но если даже откинуть добавления и чудовищные преувеличения, все же остается достаточно фактического материала, чтобы привлечь глубокое внимание психолога и художника – ибо только для них я набрасываю впечатления, собранные из бесчисленного богатства источников.

Сатана любит зло, потому что он любит жизнь, он ненавидит добро потому, что ненавидит застой, выжидание; он любит женщин, вечный принцип зла, вдохновительниц преступлений, дрожи жизни.

Изначально женщина была возлюбленной Сатаны, и с любовью он пользовался ею для распространения и укрепления своего культа.

Уже вавилонянам и халдеям ночная сторона жизни, сокровенное, готовящее гибель всего сущего, представляется в виде женщины, Мелиты, богини губительного сладострастия и половой безмерности. Ею люди совращались к пляске и пению, к веселью, жестокости и убийству.

У сирийских племен враждебное, злобное и разрушительное божество тоже женщина, Астарта. Она – богиня с головой и рогами быка, богиня уничтожающей войны и мать всяких бедствий.

Храмы малоазиатской Кибелы были местами утонченнейшего распутства и полового оргазма, ассирийская Семирамида уничтожала любовников своей нечеловеческой стра-

стью, Майя индусов – богиня обмана и лжи, делающая недоступным человеческому глазу единственное существо, а у иранских народов злые Дэвы имеют все женские качества: ложь, клевету, осквернение чистой от создания человеческой души. У эллинов из лона Геи исходят мрачные демоны смерти, а страшной Гекате приписывается все ужасное и жуткое. Она ночью носится по воздуху в обществе ламий, сеет тяжелые сны и давящие кошмары. Она – ужасная мать Сциллы и дочь Ночи. С факелом и мечом в руках, окруженная большими черными псами, она гонит людей к безумию. Демоны, которых римлянин боялся более всего, были стриги. «В мерзком облике, с клювом и когтями хищной птицы, с большой головой приходят они ночью, чтобы высосать кровь у детей, сожрать мозг и внутренности и с шумом улететь». Все это, как известно, приписывалось и средневековым ведьмам.

Страшнейшим демоном древности всегда является женщина. Она демон смерти, безумия, распутства, одержимости, преступления, ночного ужаса и страха привидений; в качестве Лилит – она суккуб, разрушающий мужчин в губительнейших половых неистовствах; в качестве Гольды – она предводительница яростного войска, мрачная властительница, в свите которой ведьмы отправляются на ночную сатанинскую мессу. Она хозяйка на «лысой горе» и празднует там злой шабаш со своими Друтами, ловкими ткачихами, ткущими пряжу несчастий.

Наряду с этой ночной стороной женщины, в древности,

конечно, почиталось и ее плодородие, жизненное начало, но всегда мужчина был защитником жизни от замыслов и разрушительных наклонностей женщины, мужчина, в сущности, слыл матерью жизни. Средневековье знало только злую женщину и олицетворяло ее в Сатане. Но и здесь проявилась ненависть средних веков к женщине. Она не могла даже быть самостоятельным злом. От первоначальной женской природы у Сатаны остались только груди, висящие, как два мешка, до живота. Мало-помалу Сатана приобретает вполне мужской облик, а женщину унижают до положения проклятой рабы дьявола, бесстыдной сводни, производящей Сатане души, грязной наложницы, которая должна безвольно подчиняться бесплодной похоти инкуба.

В то время как маг мог повелевать князем тьмы и понуждать его открывать сокровенные силы природы, ведьма всегда оставалась послушной приспешницей, которая постигла только искусство сеять гибель и больше ничем не пользовалась от ужасной связи. Армия ведьм была прекрасно дисциплинирована, содержалась в подчинении и покорности, дьявол часто бил их, если они творили мало зла, и не одной приходилось стонать под игом повелителя.

В своем бессмертном «Молоте ведьм» Шпренгер останавливается на вопросе, почему у женщин ведовство встречается в несоразмерно высшей степени, чем у мужчин, так что на десять тысяч осужденных ведьм вряд ли один приговор падает на мужчину. Он приводит тому много причин. Извест-

но, что существуют три вещи, не знающих меры ни в злом, ни в добром: язык, священник – по природе своей нечто среднее между мужчиной и женщиной, и женщина.

Далее, женщины легковерны, а так как дьявол, главным образом, разрушает веру, то он охотнее всего нападает на них. Они и вследствие «flexibilitatis»⁴⁶ их природы более восприимчивы к внушениям; главным же образом, у них скользкий язык и они не могут не сообщить другим женщинам то, что узнают «mala arte»⁴⁷. Но глубже всего зло коренится в малой верности женщины, что можно доказать этимологически: «dicitur enim femina a fe et minus quia semper minorem habet et servat fidem»⁴⁸.

Шпренгер распространяется о пороках и грехах женщин, о ее ревности и нетерпении, ее честолюбии, сластолюбии и неверии, ее непостоянстве и мстительности. Все царства погибли из-за женщин, и с меланхолической покорностью огорченный демонолог мечтает о земле, которая без женщин была бы обителью богов.

Он рассказывает для подтверждения своего взгляда на женщин историю одного мужчины, жена которого утонула. Он искал ее против течения, потому что эта женщина при жизни всем противоречила и всегда действовала наперекор

---

⁴⁶ гибкости. – лат.

⁴⁷ с помощью дурного искусства. – лат.

⁴⁸ говорят же, что слово «женщина» происходит от «вера» и «менее», ибо меньше веру они имеют и сохраняют. – лат.

рассудку, поэтому она и по смерти должна была плыть против течения.

Затем он ссылается на Сираха, на Златоуста, называющего брак «вечной пыткой», и на Сенеку, говорящего в одной из своих трагедий: «Женщина или любит или ненавидит, и нет у нее ничего третьего. Слезы женщины – ложь, у нее двойкие слезы: или истинной боли или обмана и коварства. Если женщина думает одна, то она замышляет злое». Наконец ученый инквизитор заявляет: «Из всего этого можно заключить, что женщины в особенности подвержены пороку ведовской ереси, и возблагодарить Бога, что Он охранил мужчин от таких пороков».

Шпренгер значительно упростил вопрос. Но несмотря на то, что его суждения о женщине показывают большое значение дела, все это обстоит далеко не так просто. Причины скорее надо искать в физических особенностях женщины того времени. Тотчас же взор обращается на своеобразную болезнь, которую тогда называли одержимостью и зародыши которой были почти в каждом человеке средних веков.

Одержимость, демономания была, по-видимому, только разновидностью того частого в средние века заболевания явно эпилептического характера, связанного с ясновидением, сомнамбулизмом, сопровождаемого галлюцинациями и могущего подниматься до ужасных пароксизмов, которые показали бы современному человеку страшным преувеличением, если бы не были так достоверно засвидетельствованы.

На низшей ступени, где имеется только предрасположение к этому заболеванию, симптомы, очевидно, вызывались употреблением наркотических средств и мазей и, вероятно, являлись почвой для всяких демонических проявлений ведьм. Ведьма рождается ведьмой. С самого начала в ней перевернуты все основы. Верх превращается в низ, правое – в левое, переднее – в заднее.

Уже одна эта превратность всех отношений ставит человека в полное противоречие с природой вещей. Эти первые симптомы одержимости не мучительны для ведьмы и проявляются лишь тогда, когда человек не хочет добровольно отдаться дьяволу. В пароксизмах одержимости явно выступает эта превратность отношений. Тело одержимого свертывается как мяч, он становится на носки и бросается на затылок и лицо, так что спина выгибается дугой. Вдруг положение изменяется: в один миг одержимый лежит на спине, так что руки и ноги его переплетены наверху. Волосы встают дыбом, как будто хотят разлететься. Он всегда пятится задом или же его кружит без отдыха, справа налево, лицом наружу.

В моменты экстаза ведьме свойственны неслыханные изворотливость и гибкость. Ее члены могут переплетаться как гибкие прутья, все ее тело может растягиваться до нечеловеческих размеров и снова съеживаться. Удельный вес ее меняется в минуты экстаза, тело не тонет в воде, очень часто становится легче воздуха, подымается вверх и может несколько минут носиться в воздухе. Часто видели одержи-

мых бегущими через крыши монастырей, они взбегают по стенам и, играя, катаются на тончайших ветках, которые сложились бы под тяжестью птицы.

Поверхность тела такого одержимого дьяволом человека отмечена и снаружи особыми знаками. Это не большие, не больше величины горошины, места кожи, нечувствительные, бескровные и безжизненные. Они иногда образуют красные или черные пятна, но редко; также редко они отмечены углублением кожи. Большей частью они незаметны снаружи и находятся на половых органах. Если уколоть такое место иглой, то кровь не идет и нет ощущения боли, которая, однако, ощущается всеми другими частями тела. Де Ланкр, один из остроумнейших демонологов, на долю которого в 1609 году выпала задача очистить от ведьм целую провинцию – страну басков – нашел до 3000 лиц, отмеченных таким образом.

Часто такие знаки находятся на глазных веках, на спине, на груди, и иногда – но редко – они меняют место.

Но не один только знак ведьмы отмечает ведьму. Магической душевной деятельностью, управляющей всем ее существом, телесная чувствительность крайне понижена, иногда и вовсе уничтожена. Ведьма совершенно нечувствительна к ужаснейшим мукам пыток, и случаи полной каталепсии и бесчувственности очень часто приводятся в демонологической литературе; даже на дыбе, о которой палачи говорили: «тебя растянут так, что солнце будет просвечивать сквозь

тебя», ведьма ни в чем не сознавалась, смеялась или спала.

Эта *maleficium taciturnitas*⁴⁹, которую дьявол уделял, по «Молоту ведьм», своим избранным и которую также приписывали тайным амулетам, вследствие чего ведьму раздевали догола и брили всю растительность на ее теле, была связана со странной восстанавливающей силой организма, так что тягчайшие раны заживали легко и скоро, раны, которые обычно повели бы к неминуемой смерти. Было много процессов ведьм, когда ведьму четыре, пять раз подряд подвергали пытке, но всегда «она спала на дыбе, закрывая глаза так, что палачам приходилось не мало возиться, пока удавалось открыть один глаз».

В этом экстатически-медиумическом состоянии изменяются или вовсе уничтожаются все законы, обычно управляющие организмом. Огнеупорность ведьмы была так общеизвестна, что Шпренгер вовсе отвергает испытание огнем. Дельрио, вполне компетентный в этом отношении специалист, говорит о ведьме, которая осталась невредимой даже при ужасной пытке смоляным сапогом.

Еще менее приходится сомневаться в правдивости этих показаний, если принять во внимание, что и в наше время было обнаружено не мало подобных фактов; наиболее известный приведен у Валласа («Защита спиритуализма»), когда Mr. Номе всовывал голову в огонь, не спалив ни одного волоса.

---

⁴⁹ умение ведьм хранить тайну. – лат.

Также связанное с экстатическим состоянием изменение удельного веса вполне соответствует истине, хотя оно, как и вышеупомянутое качество, необъяснимо. Вполне понятно, что такой полный переворот физиологических законов в физическом организме соответствовал дикому *a rebours*⁵⁰ души.

Нечувствительность к боли убивала в ведьме всякое сострадание; она жестока до зверства, она не знает милосердия, но ей знакомо экстатическое сладострастие причиняемой боли. Она любит сладострастие зверства, и ее половая похоть всегда смешивается с жестокостью. Садизм и мазохизм управляют ее половой страстью; но ей недостаточно бить или быть битой: лишь когда она жадными, горящими руками копается во внутренностях убитого ребенка, когда она зубами впивается в его грудь и вырывает содрагающееся, еще теплое сердце, когда она обнаженным телом с воплями сладострастия извивается в его распоротом животе, тогда она, пожалуй, испытывает небольшое удовлетворение.

Такая же безграничная страстность – в ее ненависти. Она ненавидит все, что называется законом, она чувствует ярость против всего, что могло бы поставить преграды ее демоническому распутству и больше всего она ненавидит церковь и ее учреждения. Эпидемическим является ведовское безумие там, где катары в отталкивающих формах высиживали свою большую ненависть к христианской церкви.

---

⁵⁰ изменению на противоположное. – фр.

Церковь, в сущности, все еще никак не могла справиться с манихеями. С неслыханной жестокостью церковь преследовала их десятки лет; жгла и колесовала тысячами, но они появляются все вновь и вновь, образуют тайные союзы, усиливаются, скрываясь, и даже там, где они были совершенно истреблены, сохранились традиции их жутких месс, которые когда-то они справляли по ночам в лесах и на высотах, и народ, давно уже дыбой, мечом, колесом и костром обращенный к единственно спасающей церкви, не прекращал посещения ночных сходбищ, на которых могла вылиться душа, стремящаяся к иступлению.

И на этих, казалось бы, фактических и действительных оргиях шабаша опять женщина подстрекает мужчину к нечеловеческому размаху инстинкта.

Женщина средних веков была малокровна до крайности, она поражала грязью, потому что все средние века болезненно боялась воздуха и воды; поработанная мужчиной, отвергнутая церковью, презираемая даже Богом, который создал ее из кривого ребра Адама, женщина была совершенным зверем. Ее злые инстинкты пышно разрастались, как ил на дне морском. Мозг ее рождал бешено мстительные замыслы против соседки, которая кинула на нее злой взгляд, против мужа, угощавшего ее пинками, против помещицы, которая порой, чтобы рассеять скуку, приказывала ее сечь. Малокровие, разные, порожденные грязью кожные болезни постоянно раздражали ее сладострастие; она отдавалась

каждому мужчине, т. е. безвольно давала насиловать себя, но никогда не испытывала удовлетворения.

Одна вечно растущая жажда наслаждения, удовлетворения, продолжительной половой оргии мучила женщину-зверя.

Она находилась всегда в возбужденном состоянии. При дьявольском «меланхолическом» темпераменте, в этой «дьявольской купели», каждая мысль, каждое ощущение становится ядом. Вопрос о том, когда эта женщина станет ведьмой, это только вопрос того, когда все зародыши одержимости, которые она носит в себе, придут к проявлению. И вот в один прекрасный день это наступает. Никогда она еще не чувствовала такого беспокойства. Она мучится больной жаждой убивать, рвать людей в клочья, неистовствовать, кричать и вдруг, как будто гонимая посторонней силой, она мчится бессознательно в лес, она не бежит, летит, она чувствует, что ее несет по воздуху, пока, наконец, она не падает.

И вот рядом с ней появляется инкуб. Он очень красив, одет как охотник, немного хромот, прячет хвост, насколько может, и рогов его не видно, но она наверняка, знает, что это черт. Ей страшно, но она ужасно любопытна. Она знает его могущество, она знает, что он может дать ей все, что она ни пожелает; в это мгновение она не думает о том, что деньги его после оказываются песком или грязью, ей очень страшно, но любопытство пересиливает страх.

Между тем черт приближается с ласковыми, но весьма

недвуусмысленными движениями. Он знает-де нужду ее сердца, знает, чего ей недостает, он согласен исполнить ее желания, если она отдастся ему и *conditio sine qua non*⁵¹ – не будет раскаиваться в этом. Он становится все настойчивее. Она еще защищается, но уже чувствует, как тяжесть его опускается на нее, и она дает произойти ужасному. Это не сладострастие; от этого больно и холодно, о, как холодно!

Придя в себя, она замечает, что на две мили удалилась от своей деревни. Она дрожит как в ознобе, она разбита всем телом, она с величайшим трудом тащится назад, и только робкая надежда на то, что желания ее исполняются, поддерживает ее на ногах. Но ничто из ее желаний не исполняется, страшная мука, раскаяние и страх перед адом, страх, что ее живую утащат в ад, доводит ее до безумия. Она переживает, бок о бок с храпящим мужем, ужасную ночь.

Ад с ужаснейшими пытками разверзается перед ее глазами, с безумным отчаянием вперяет она в него взгляд, хочет молиться, но ее насильно отрывают от молитвы, адский хохот раздается в комнате, маленькие зеленые огоньки носятся взад и вперед, потом она слышит стуки в стенах, растущие до страшного грохота, ее постель кружится, тряпье, которым она прикрывалась, начинает плясать, она хочет разбудить мужа, но лежит как скованная и не может двинуться и вдруг опять видит его.

И вновь испытывает она пытку холодного как лед, поло-

---

⁵¹ неперемное условие. – лат.

вого акта, но теперь уже меньше боится, она даже задает вопросы своему адскому любовнику. В сущности, он любезный господин. Он советует ей сходить к ведьме, которая одиноко живет в лесу, и довериться ей; тогда она получит от нее травы, обладающие чудесной силой. Когда дьявол покидает ее, она впадает в тяжелый, мертвый сон.

На другое утро, после пробуждения, ее первая мысль – старая ведьма. Ее муж послан куда-то помещиком, а детей у нее нет. Она с нетерпением ждет вечера. С робостью в сердце, гонимая страхом, она, наконец, приходит к всегда запертому дому ведьмы.

Никто не помнит, когда страшная старуха пришла в деревню. Ее бояться, страшная паника следует, когда она идет по улице. Матери убегают с детьми, а если это уже невозможно, то творят крестное знамение или произносят имя Иисуса, с величайшей заботливостью избегают прикосновения к ней и стараясь не дать ей взглянуть на себя.

Но ведьма, видимо, ни на что не обращает внимания, она только бормочет что-то себе под нос и время от времени кидает на тот или другой дом короткий, острый взгляд. Ее давно побили бы камнями, ибо бесчисленны ее преступления, но бояться помещицы, которая охраняет ее, потому что получает от ведьмы яды для тайных целей. Между женщиной и ведьмой, которая, впрочем, кажется, ждала ее, завязывается долгая беседа. Она возвращается домой, полная решимости и мужества, и судорожно сжимает в руке горшочек мази и

палочку, которую она должна спрятать в таком месте, где ее не найдет никто, кроме принадлежащих к «той же секте».⁵²

Наконец наступает желанное мгновение, она извещена, что в такой-то день состоится посещение «синагоги». В полночь она раздевается догола и натирается мазью, полученной от ведьмы, натирает все тело, преимущественно подмышками, под сердцем, темя и половые органы. Она впадает тотчас же в «твердый, как камень» сон, который продолжается очень недолго, часто только одно мгновение. Она «просыпается» и отправляется в синагогу.

Как она туда добирается, она не знает. Она знает все обстоятельства своего путешествия, она наверняка знает, что шла пешком, она припоминает, что по дороге с ней заговаривали, но больше ничего⁵³.

Шла ли она много или мало времени, она не знает. Место, куда она, наконец, попадает, ей не совсем незнакомо. Это пользующееся дурной славой жуткое место на одной горе, о котором она уже раньше слыхивала, пустынная поляна, без дороги, без жилищ поблизости.

Она уже застаёт большое собрание – мужчин (их немного), женщин и детей. Некоторых она, кажется, узнает, но не вполне, потому что очень темно и беспокойно колеблющееся

---

⁵² Эта палочка, часто встречающаяся в процессах ведьм, лучше всего указывает, что мы имеем дело с сектой, продолжающей манихейство – прим. авт.

⁵³ Ведьмы у Ремигия и де-Ланкра, большей частью, «идут» на шабаш. – прим. авт.

пламя факелов искажает фигуры, превращая их в страшные привидения. Она видит женщин, полуобнаженных, мчавшихся в диких прыжках взад и вперед, в растерзанных платьях и с распущенными волосами, легко и быстро, как будто они ничего не весят. Время от времени поднимается оглушительный вой: «Гар! Гар! Шабаш! Шабаш!». Вдруг, как по данному знаку, все присутствующие выстраиваются в круг с заложенными за спины руками, мужчина (он большей частью дьявол-любовник) и женщина, спина к спине, и вот начинается яростный вихрь пляски. Головы все быстрее откидываются назад, громко орут распутные песни, все время прерываемые задыхающимся, хриплым «Гар! Гар! Дьявол! Дьявол! Прыгай здесь, прыгай там!» В самых диких прыжках, в головокружительной путанице оргия достигает вершины. Зверь выпущен, жадная похоть смешивается с жаждой крови, безумие сладострастия загорается в болях головокружения.

Пляска расстроена, люди бросаются друг на друга, мужчины и женщины без разбора, отец на дочь, брат на сестру, мужчина на мужчину, все собрание извивается в невероятнейшем, противоестественном распутстве; как псы лежат они друг на друге, застыв в судорожных конвульсиях, и в отвратительные стоны нечеловеческого, болезненного совокупления врывается хриплое «Гар! Гар!» Женщина управляет сборищем и доводит его до экзальтации. Чтобы отречься даже от малейших признаков стыда, она сплетает руки за

спиной, бросается на спину, подымает кверху широко расставленные ноги и с хриплыми криками отдается фаллосу. Древняя жрица Кибелы просыпается в ней с двойной силой; одержимая нимфоманией фурия с нечеловечески разросшейся чувствительностью, которой грязь и отвращение служат похотливыми наслаждениями. Похоть завершается кровожадностью; она рвет ногтями собственное тело, вырывает толстые пряди волос из головы, расцарапывает себе грудь, но всего этого недостаточно, чтобы насытить зверя. Она бросается на дитя, которое приносится в жертву Сатане, рвет ему грудь зубами, вырывает сердце, пожирает его, обливающееся кровью, или разрывает ему артерии на шее и пьет брызнувшую оттуда кровь, или зажимает его мягкую головку между ляжек, приговаривая «Иди туда, откуда ты вышел!». Бесчисленны видоизменения этого похотливого убийства, и всегда дитя является ужасной жертвой кровожадного Сатаны, царящего в женщине. После этой подготовительной оргии, которой заключается действительный, реальный шабаш, шабаш вавилонян, греков и римлян, шабаш доманихейский, начинается шабаш послеманихейского периода. Фактическое исчезает, сознание меркнет, разверзается неизмеримое царство ночи. Появляется Сатана. Охотнее всего он принимает образ козла, но часто видят его и в человеческом виде. Кажется, что он сидит на кресле, у него есть что-то, напоминающее человеческий облик, но все неясно, как бы затуманено. Только очень редко удается ясно увидеть его. Он стра-

шен! Все члены его разрослись до чудовищных, гигантских размеров. На голове у него корона из черных рогов, из них один так ярко раскален, что весь шабаш освещен им ярче, чем полной луной. Глаза его велики, широко открыты и совершенно круглы. Получеловек, полукозел, он имеет человеческие конечности, женские, дрябло висящие груди, но что особенно бросается в глаза – это его гигантский искривленный фаллос, похожий на огромный собачий хвост, раскаленно-красный, заканчивающийся женскими половыми органами.

Голос его страшен, но беззвучен и хрипл; его трудно понимать. «Он всегда выказывает большую куртуазность, соединенную с манерами меланхолического принца, который скучает». Под пупом у него другое лицо, еще более страшное, чем верхнее – лицо испражнений с широко разинутой мордой и высунутым языком.

Лишь только Он появляется, начинается месса. Она начинается всеобщей исповедью и каждый кается в том, что сделал доброго. Каются в страшном грехе целомудрия, в смертном грехе смирения, терпения, умеренности и любви к ближнему. Каются в страшных и противоестественных грехах, заключающихся в исполнении десяти моисеевых заповедей, и горько сожалеют о том, что упустили случай совершить преступление.

Козел слушает внимательно и наносит страшные удары, потому что он не любит половинчатых. Каждый вступающий

в его церковь должен целиком исполнять его законы. После исповеди – представление тех, кто хочет вступить в его церковь. Дрожа от страха, предстают они перед тронем владыки.

Чего ты хочешь? Хочешь ты стать одним из моих? – рычит он на пришельца. Да!

Так делай же и делай, чего я желаю.

Тогда вступающий произносит следующую формулу: «Я отрекаюсь сперва от Бога, потом от Иисуса Христа, Святого Духа, св. Девы, святых, святого Креста и т. д., во всем предаюсь в твою власть и в руки твои и не признаю другого бога, так что ты бог мой, а я твой раб».

После этого неофит целует Сатану в лицо под пупом и тем клянется в вечном рабстве и в покорности власти Дьявола.

Сатана ногтями сцарапывает у него со лба следы крещения, в грязной купели неофит подвергается новому крещению, причем он торжественно клянется никогда не принимать причастие иначе, как для преступных целей, оплевывать и осквернять св. реликвии, хранить тайну шабаша, вербовать новых приверженцев для церкви Сатаны и посвящать ему все свои силы.

Церемония достигает своей кульминационной точки в страшной просьбе неофита к Сатане, чтобы он вычеркнул его из книги жизни и внес его в книгу смерти. Дьявол ставит свой знак на веках, плечах, губах неофита, женщинам же на грудной сосок, чаще же на половые части.

Договор с дьяволом заключен, человек безвозвратно под-

пал дьяволу. С этого момента природа его совершенно изменяется, в душе его все переворачивается вверх дном, закон, связывающий до сих пор зверя, становится над ним бессильным, все добродетели, навязанные ему законом, отбрасываются с издевательством и женщина возвращается к своей древней природе, которую тщетно старались в ней укротить. Все ее свойства сбрасывают узду. Женщины становятся *fallaces, proditiosae, loquaces, garrulosae, tenaces, glutinosae, ardentes et luxuriosae, leves rebelles et libitiosae, nociosae et periculosae, comparantur Ursis, Vento, Scorpion! Leoni, Draconi et Laqueo*⁵⁴.

Вся мрачная, отчаянная история средних веков отражается в ужасах шабаша. Шабаш – это организм разнузданных инстинктов, мощное восстание угнетенной плоти, мрачная аллилуйя пригвожденного к кресту язычества.

И действительно, шабаш – уродливо искаженный синтез всех оргиастических культов древности. Служение Кибеле, где истерическая похоть выливалась в формы утонченной жестокости, своеобразные, давно позабытые приемы разврата при служении Астарте, преступления и заклинания, которыми греческие ведьмы понуждали Гекату отдавать мертвых – все это мы находим собранным в шабаше. Переиначенное, приноровленное к новому религиозному кругозору,

---

⁵⁴ изменницами, предательницами, болтунями, крикливыми, строптивыми, приставучими, страстными и высокомерными, вредными и капризными, легко возбудимыми и опасными. Их можно сравнить с медведями, с бурей, скорпионом, львом, драконом и ловушкой. – лат.

но все же узнаваемое. Средневековый шабаш вряд ли имеет что-нибудь собственное, он – явление, встречающееся во все времена, у всех народов, универсальный исторический факт.

Но в то время как мистерии древности имели, безусловно, положительный характер, в то время как их целью было ввести все в круг божественного, освятить все инстинкты, чтить божество высшим проявлением экстаза, – шабаш средних веков имеет исключительно отрицательное значение.

С одной стороны, он коренится в страшной ненависти манихеев к католической церкви и бесспорно возник в лоне манихейства или, вернее, развился под его покровительством. Учение манихеев имело почти исключительно полемическое содержание и является разрушительнейшей критикой католицизма. Все, что в учении катаров было основным вероположением, погибло в этой ненависти, которая от фантастических преследований все росла из поколения в поколение.

На этой гостеприимной почве ненависти, естественно, в огромном количестве нагромоздилось все, что преследовала церковь, все, что жило еще из остатков язычества в сознании народа, все взгляды и обычаи, принесенные из других стран, но по каким-то причинам жадно воспринимавшиеся народом, и против которых церковь подымала самое жестокое свое оружие.

С другой стороны, шабаш коренился в болезненной ненависти одержимых ко всему церковному. Церковь заявляла, что в одержимых свирепствуют бесы, она пыталась исцелять

больных святой водой и молитвами. Пусть так. От этого люди еще больше верили в то, что они одержимы бесом; они носили дьявола в себе и давали ему реветь страшные богохульства по отношению к церкви. А на низшей ступени этих заблуждений, которая наблюдается у ведьмы, мы видим, как те добровольно и с возрастающим наслаждением предавались черту, который в награду давал им нечеловеческие радости шабаша. Так смешалось манихейство со странной страстью средневекового человека к святотатству.

Основной первоначальный бог катаров, *quand meme*⁵⁵, положительная материя, стала в ярости сражения, в полемических неистовствах издыхающих альбигойцев, а *rebours*⁵⁶, материей грязи, отвращения, яда и вони.

Для катара основное положение «*nemo potest rescare ab umbilico et inferius*»⁵⁷ было столь же святой основой, как жертва Гимена для жрицы Астарты. Но для ведьмы это основоположение стало средством осквернять святыню.

Убежденный катар отрекался от католической религии со святой серьезностью неопита; для ведьмы формула отречения стала адским договором, который она заключала с дьяволом.

Итак, ведьма взяла из символа веры катаров как раз то, чем она могла больше всего уязвить Бога христиан и вызвать

---

⁵⁵ вопреки всему. – фр.

⁵⁶ наоборот. – фр.

⁵⁷ никто не может согрешить от чрева и пуповины. – лат.

его гнев.

Народ, со зверской жестокостью обращенный в христианство, вступил во владение мрачным наследием убитых отцов. Веры больше не существовало, но отчаявшийся, порабощенный и измученный пытками народ не оставил празднеств отцов, празднеств инстинктов, греха, который должен быть умерщвлен грехом фаллоса en eveil⁵⁸ и furores matrices⁵⁹ И кто раз посетил церковь посвященных, «braves homines»⁶⁰, тот бесповоротно подпадал Сатане.

Исторический шабаш, культ альбигойцев, которым они чтили злого «бога», растекается в диких фантазмах одержимых; первоначально естественные формы искажаются в чудовищные галлюцинации и нельзя больше установить, где кончается галлюцинация и где начинается действительность. Дикое смешение тысячеобразных обломков культур всех народов и времен, лихорадочная путаница основ веры всех религий, вулканический взрыв противоположных инстинктов в диком хаосе и ожесточенной борьбе.

* * *

Посещение шабаша действует как привычка употребления опиума. После нескольких раз оно становится страстью,

---

⁵⁸ напряженного. – фр.

⁵⁹ экстазом самок. – лат.

⁶⁰ смелые люди. – фр.

от которой никогда уже нельзя отделаться. Все показания ведьм сходятся на том, что «шабаш – истинный рай, и в нем больше радости, чем можно высказать». Когда был подан знак, то становилось радостно, «как будто звали на свадьбу. Дух так сковывает сердце и волю, что нет места никаким другим желаниям». Судьи удивленно спрашивали, как может шабаш действовать так притягательно, когда он только место ужаса и неистовства? На что они получали ответ, что «ужасами этими наслаждаются с удивительной радостью и бешеной страстью», так что время, «полное таких наслаждений, летит, как безумное, с сожалением расстаешься с ним и с невероятной тоской стремишься возвратиться на шабаш». «Что радости его поистине нечеловеческой сущности и неземного происхождения».

Таким образом, у ведьмы мало-помалу утратилась цель осквернять церковь; шабаш стал ее религией, преступление – ее добродетелью; извращение инстинктов произошло почти незаметно, и она вдруг стала новым существом. Бесстыдная оргия стала самодовлеющей целью; ведьма более не думает о том отношении, в каком ее культ находится к христианской церкви, она бросается вниз головой в бездну бешенства инстинктов, не думая более о совершенном при этом святотатстве. Итак, оргии стали праздноваться без всякого отношения к чему бы то ни было, по раз намеченному порядку, со всеми традиционными обычаями, целью которых первоначально было богохульство. Справляли оргию из-

за самой оргии, давали простор бешенству в мучительнейших судорогах сладострастия, человеческое существо становилось волком, вампиром, козлом, свиньей, неистовствовало в сознании вечного проклятия, но что значили все небесные радости в сравнении с нечеловеческими наслаждениями шабаша!

И, таким образом, шабаш, на котором в первый раз присутствовали с ужасом, с жутким сознанием бесповоротной потери спасения души, стал мало-помалу единственным культом без всякого противоположения, без всякого иного значения, кроме желания испытать сладострастие, повышенное до сверхчеловеческих размеров. И Сатана, первоначальное «анти» всего католического, стал единственным богом, милостивым отцом, уготовляющим безмерное блаженство. Если первоначально, отдаваясь ему, стремились получить земные блага, золото и могущество, то теперь забывали все это, ничего больше от него не требовали, восхваляли его и благодарно целовали его тело. Ибо он давал все – вулканическое потрясение плоти, в спазмах которой всякое золото кажется ничтожной пылью и всякая власть глупым тщеславием.

Стадия отрицания, сознательного богохульства, которым ведьма вводилась в замкнутый круг поклонников Сатаны, продолжалась очень недолго; в яростных вихрях пола вскоре забывался культ христиан, и не было никакого бога, кроме него, висящего фаллоса и когда козел подьемлет черную

гостию и лает: «Вот – тело мое!», вся община падает на колени с той же неистовостью, с которой еще недавно поклонялась всякому причастию, и из глубины души козел стонет: «*Aquerra goity! Aquerra bouty!*» (Козел вверху! Козел внизу!). Ведьмы, которых де Ланкр судил в стране басков, оправдывались тем, что они вовсе не знали, что грешат, что они не признают за собой никакой вины; наоборот, они думали, что это – единственная религия. Они с невероятнейшим благодушием описывали невероятнейшие детали своих служений. «Девушки и женщины Лабура вместо того, чтобы краснеть и оплакивать свое преступление, рассказывали перед судом все обстоятельства и всякие грязнейшие подробности с таким наслаждением и бесстыдством, что видно было, что они гордятся, рассказывая, как все было, и находят в этом особое удовольствие, ибо они предпочитают грязнейшие ласки дьявола всему другому. Они нисколько не краснели, какие бы нескромные и грязные вопросы им не задавали, так что наш переводчик, который был священником, больше стыдился, переводя им наши вопросы». «*Ita pestis haec velut contagio proserpsit!*»⁶¹, говорит Вир в своей прекрасной книге «*De prestigiis daemonium*»⁶², а советник Генриха IV Флоримонд из Бордо пишет в ужасе: «*Et le diabbe est si bon maistre, que nous ne pouvons envoyer si grand nombre (т. е. ведьм) aufeu,*

---

⁶¹ Оно расплзлось, словно прикосновение чумы. – лат.

⁶² «Об обманах демонов». – лат.

que de leur cendres il n'en renaisse de nouveau d'autres»⁶³.

Шабаш, бесспорно – величайшая культурно-историческая загадка в истории мира. В эпоху Просвещения задача была значительно облегчена. Все огульно было объявлено глупостью и средневековым лицемерием; процессами ведьм пользовались как глупым и тенденциозным предлогом для нападения на церковь. Так называемый историк культуры часто поспешно перескакивал через слишком достоверные факты, потому что они были ему неудобны, и он не знал, что с ними делать. Лишь в последнее время, после того как нельзя стало отрицать странных явлений оккультных феноменов, после того как многочисленные ученые, которым Крукс расчистил путь, серьезно и без предвзятости подвергли пытливному исследованию факты медиумизма, темнота стала рассеиваться. Одно упустили из виду, что существовал действительный шабаш, столь же реальный и несомненный, как черная месса при Людовике XIV, шабаш, куда ведьма не летала, не отправляла свое астральное тело, но куда она шла пешком, часто за несколько миль. Утверждать это нам дает право не только все то, что мы знаем о тайных сектах и их тайных сходбищах; нет ни малейшего основания сомневаться в том факте, что эти сходбища неожиданно заставлялись непосвященными, причем участники поспешно разбегались. В од-

---

⁶³ И дьявол был столь великим повелителем, что мы не могли посылать столь большое количество их на костер, дабы он не возродил их из пепла в другом обликий. – фр.

ном случае непрощенных гостей угостили такими побоями, что они вскоре умерли от их последствий.

Естественно, что участники шабаша вследствие бешеной пляски и равномерного закидывания головы совершенно так же, как современный факир, приходили в состояние оргазма, не дававшего им отличить действительность от галлюцинаций. Употреблением страшных наркотических средств, описанием которых переполнены все демонологические книги, состояние это повышалось и доводилось до гистеро-эпилептической предрасположенности на протяжении всего средневековья до полнейшего сомнамбулизма. Тем, что все присутствующие стояли во взаимной связи, объясняется односторонность галлюцинаций которые, впрочем, предрешались сатанинским кодексом, так что участник такого сатанинского круга, не зная того, естественно, впадал в некоторое «общение душ» с другими участниками.

На действие снотворных наркотиков указывает неопределенность показаний, описывающих все явления как бы окутанными туманом. Образ Сатаны редко видится отчетливо: то он появляется в виде чудовищной туманной массы, то его видят в образе древесного пня «с чем-то вроде человеческого лица, но как бы покрытого мраком»; иной раз он появляется опять в виде «кажущегося» человеческого лица, красного и колышущегося как огонь, вырывающийся из печи, и формы которого видны только наполовину и то расплывчато.

На то же указывают разные эпилептические симптомы –

окаменение членов, ледяное ощущение холода, пронизывающее тело при совокуплении с инкубом или при принятии черной гостии, ненормальное мышечное возбуждение при пляске, ощущение полета, полнейшее извращение естественных чувствований, ужасные судороги, в которые многие впадают и которые потом представляются ведьме ударами, полученными от дьявола. Особенно характерны для этого состояние световые явления, которые в наше время наблюдаются в присутствии хорошего медиума.

Этот исторический, реальный шабаш мало-помалу исчезает, сходбища, быть может, ограничиваются ночью под Ивана Купалу или же вовсе отпадают, ибо ведьма нашла средство, дающее ей возможность насладиться всеми радостями шабаша, не присутствуя на нем лично, что, понятно, уже с самого начала было путем смерти.

Уже де Спина в своем «*Fortalitium fidei contra judaeos etc.*»⁶⁴ говорит о ведовской секте, именованной ксургинями или бруксами и состоявшей из мужчин и женщин. Они добровольно общаются с дьяволом, который получает их души и при помощи волшебства дает им возможность воображать, что они пролетают пространство в двести миль в четыре-пять часов. «Что потом происходит на шабаше – обман воображения, тело остается в постели». Он рассказывает затем, что одна ведьма в присутствии инквизитора и княжеского двора похвалялась, что, видимо или невидимо, появится

---

⁶⁴ «Крепость веры против иудеев и т. д.». – лат.

черт, который унесет ее по воздуху, если только ей позволят употребить в дело волшебную мазь. Чтобы убедиться в этом, ей дали позволение, после чего она основательно натерлась мазью. Но «она осталась лежать неподвижно, и ничего необычного не произошло, чему остались живые свидетели.

Из этого ясно, что предположение о телесном полете ведьм неверно и что когда им кажется, что они летят, это — обман дьявола». Чрезвычайно интересна в этом отношении XII глава «Демономании» Бодинуса. Одна ведьма созналась и уверяла, что она полетит на шабаш, если ей позволят натереться мазью. Ей разрешили, после чего она натерлась вонючей мазью, легла и тотчас заснула. Ее привязали к кровати, били, кололи и жгли, но она не подавала ни малейшего признака жизни. На другой день она рассказывала о своей поездке на шабаш, и в ее рассказе можно было различить, как в галлюцинацию ее вплелись причиненные ей боли. И действительно, во всей демонологии нет ни одного достоверно установленного случая, чтобы данное лицо было унесено на большое расстояние «по воздуху».

Во всех случаях наблюдалось, что ведьма приготавлилась к полету тем, что раздевалась донага, натирала определенные места мазью, а затем впадала в обморочное состояние. Эта мазь, которая играет главную роль во всех ведовских процессах, опять-таки не есть что-то специально средневековое. Она встречается у всех народов и во все времена. На-

питок сна у браминов, служащий для возбуждения ясновидения у йогов, нефентес Гомера, потомантес, фаласегле, гелатофилис у Плиния – все такие же средства для отделения души от тела и для получения ощущений радости и счастья. Особенно известным был гелиокабус, называемый также геликакабон и моли; это растение упоминается уже у египтян и должно быть тождественно *canthropa mandragora* или *Belladonna*⁶⁵.

Мази средневековых ведм часто описывались, и Парацельс, который должен был знать это, говорит о мази, состоящей из детского жира, мака, *solarium furiosum*⁶⁶, цикория. Вир называет еще пятиперстник, кровь летучей мыши и маслянистые выжимки семени дурмана, болиголова, цикуты, мака, ядовитого латука и волчьих ягод. В наши дни Карл Кизеветтер сделал на самом себе несколько опытов с мазями ведм и добился удивительных результатов. Так, натирание груди тосцианином собственного приготовления вызывало сны о быстром спиральном полете, как будто бы его носило вихрем.

* * *

На более высоких стадиях ведьма может обойтись без всякого искусственного средства, чтобы прибыть на шабаш;

---

⁶⁵ Корень мандрагоры, корень беладонны. – лат.

⁶⁶ бешеного паслена. – лат.

ей достаточно немного поспать. Ведьмы, которых судил де Ланкр, а их было около тысячи, все сходятся на том, что сперва нужно было заснуть. Но, как бы глубокий ни был сон, всегда «просыпаешься». Порой достаточно закрыть один глаз, и в следующее мгновение уже «пробуждаешься» и уносишься на шабаш. «Нужен был только промежуток одного мгновения, и как бы далеко ни находилось место, будь оно даже в Тегга пуова, или на краю света, все же переносишься туда».

И опять-таки все ведьмы утверждают, что после короткого сна отправление происходит уже наяву. «Все это происходит так реально, что никакой сон, никакие сновидения и галлюцинации не могут заставить сомневаться в реальности случившегося». Здесь, значит, сомнамбулизм совершенно отделен от естественного сна, и неудивительно, что темный народ не сознает различия, что представления о нем даже не возникают в его сознании; я нашел только один пример, где у ведьмы появляются сомнения в реальности шабаша. Жанна Мишеллис объявляет у Ремигия, что на шабаше не располагаешь настоящим зрением. Все кажется перепутанным, так что нельзя увидеть ничего точного и определенно-го. Ощущение таково, как будто бы все видишь спяна или спресонок, или же неясно по другой какой-либо причине, или же ослеплен отводом глаз. Но эти случаи неполного сомнамбулизма крайне редки; мы, наоборот, часто видели сомнамбулизм повышенным до такой степени, что прохождение

через сонное состояние сокращается до трансцендентно-малого промежутка времени. Так, Екатерина Ландаль рассказывает, что ей вообще не нужно сна, но когда она вечером сидит у огня, у нее появляется такое страстное стремление к шабашу, что она не может этого сравнить ни с какой похотью, и ее тотчас же туда уносит.

Бесчисленны преступления, совершавшиеся ведьмами. С величайшей точностью в систематическом порядке перечисляет Иоганн Нидер в своем «Formicarius» все эти преступления. В числе их он называет отрицание и осквернение христианской церкви, договор с Дьяволом и низменный акт поклонения, когда черт появляется в человеческом образе, воздушные полеты, околдовывание хлебов и скота, возбуждение гнева и сладострастия, препятствие зачатию у людей и животных, превращение ведьм и волшебников в зверей (ликантропия), умерщвление плода во чреве матери через колдовство, употребление частей детских трупов для мазей и, наконец, прелюбодеяния с инкубом и суккубом.

Конечно, привыкли приписывать ведьмам невероятнейшие преступления, но и тех, которые она действительно совершала, достаточно, чтобы взять под защиту самого жестокого инквизитора. Извращенность всей ее природы, совершенное устранение законов, действующих и управляющих нормальным телом, имело последствием то, что она стала преступницей; не с сознательным намерением, не со свободной волей, но в силу той же необходимости, вследствие ко-

торой другой делает добро или при злом поступке сознает это. Вечный вопрос каждой религиозной доктрины объясняется у ведьмы самостоятельно, особенностями органического характера.

Все гражданские и божественные законы сами собой перевертываются в ее мозгу, и сам собой рождается страшный сатанинский кодекс: «Сатану должна ты любить, чтить его как Бога, и никого кроме него. Имя Христово ты должна презирать и осквернять. Святые дни Синагоги ты должна чтить; презирать отца и мать. Ты должна убивать мужчин, женщин и, главным образом, детей, ибо этим ты более всего огорчишь Того, кто сказал: „оставьте детей прийти ко Мне“. Ты должна нарушать брак, всячески распутствовать, лучше всего, противно природе; ты должна грабить, убивать, уничтожать, ты должна давать ложные клятвы и лжесвидетельствовать».

Магические способности, которыми она обладает, дают ей страшную власть над людьми. Одного ее взгляда достаточно, чтобы парализовать врага; этого взгляда так боялись, что ведьму подводили к судьям спиной. Одного движения ее руки достаточно, чтобы загипнотизировать человека, подействовать на его мозг так, что на его теле появляются язвы, и воля ее так сильна, что может переносить ее на большое расстояние и вводить в сношения с людьми, живущими далеко.

Но она вовсе не презирала естественных средств, желая достигнуть своих губительных целей. Она – яростная ядосме-

сительница. Нет ядовитого растения, которого она бы не исследовала и действия которого она бы не знала. Но, чтобы повысить естественную силу действия, чтобы иметь возможность «наколдовывать» болезнь, ей нужны части трупов, жир убитых детей.

И она крадет детей, где только может, охотнее всего некрещеных, чтобы вместе с тем украсть их души у ненавистного Филиппа (так ведьмы звали Христа), она убивает их с помощью ужасных пыток, чтобы порадовать ими своего повелителя, варит мясо, мешает его с грязнейшими ингредиентами, с отварами разных ядовитых растений и составляет страшный «антропотоксин».

Охота за детьми была весьма распространенным и излюбленным спортом в средние века. Число несчастных жертв невероятно. Знаменитый Жиль де Рэ один убил около тысячи детей для сатанинских целей, ибо «он был рожден под такой звездой, что никогда ни один человек не мог совершить таких преступлений, как он». Это его собственные гордые слова. На каждом шабаше, по меньшей мере, одно дитя приносилось в жертву. Евреи и христиане состязались в детоубийстве: знаменитый епископ Гибур на каждой из своих бесчисленных черных месс убивал по ребенку, и кровь его, смешанная с менструальной кровью, превращала богохульную гостью.

Порой употребляли для этого и взрослых. Так, известен случай, когда один итальянский кардинал зарыл по грудь

в землю свою только что родившую рыжую сожительницу, подпустил к ее грудям по змее, и сок, вытекший и найденный в пресмыкающихся, употребил на ядосмесительство.

Так составлялись яды, из которых наиболее известный – aqua Toffana. Его действие страшно, никакое противоядие от него не помогает, никакая осторожность не предостерегает от него, потому что он бесцветен и безвкусен. Можно месяцы носить его в себе, чувствуя себя здоровым; чувствуешь только неприятное ощущение, которое все растет, пока тело не умирает, пораженное ядом. Он захватывает благороднейшие части тела, не причиняя ни судорог, ни каких-либо особых болей, но только медленное угасание, увядание, истощение. Только после смерти обнаруживается действие ядов: члены отделяются; при похоронах кардинала Гатанелли, которого несли в открытом гробу, одна нога вывалилась из гроба.

Вследствие всех этих ядоварений возникали, конечно, целые эпидемии; все эти странные и нервные заболевания в известной части можно, наверное, объяснить ядами, и бесконечен ряд процессов о приготовлении этого «ядовитого свинства». Эти процессы были весьма законны и основательны, и в большинстве случаев на судейском столе в качестве *corpus delicti*⁶⁷ лежало это «ядовитое свинство», найденное при обыске. В 1605 году в Богемии, в Силезии и Лаузице было казнено около двух тысяч отравителей. И так как человеческое правосудие должно было получить особую внуши-

---

⁶⁷ состав правонарушения. – лат.

тельность, то их терзали раскаленными щипцами, колесовали, а потом «коптили», то есть медленно жарили на зажженном кругом огне; «была от того великая вонь».

Очень интересен рассказ Каррихтера о том, как готовятся такие ядовитые напитки: «Не удивляйся, если этот человек чувствует великие боли: ведьма взяла травы (следуют названия имен растений, расположенные по астрологической ботанике, авт.), произнесла также некоторые заклинания, которым обучил ее злой дух, ибо эти злодейки не понимают того, что говорят, но имеют это от злого духа и ничего не прибавляют, кроме воображения ложной веры, затем выжимают сок из растений, трижды моют им руки, держат травы в руке, пока не коснутся того, кого хотят погубить; когда они приходят к нему, то подают ему руку; если он не поручил себя Богу, то коварный яд растений входит в него и замыкает, очевидно, три естественных духа крови; потом мгновенно под пожатием является бешеная боль, вроде колик, час от часу распространяется по телу, начинаются судороги и несчастный кричит „Ах!“ и „Увы!“»

Конечно, действие таких средств зависит от передачи энергии, от восприимчивости и податливости внушению данного лица, но человек средних веков был крайне восприимчив, и, в большинстве случаев, подобные средства должны были иметь успех.

Я должен ограничиться тем немногим, что я сказал о ведовстве, но и этого достаточно, чтобы убедиться в законно-

сти оснований процессов о ведьмах. Средневековье находилось в условии самозащиты, оно должно было искоренить преступную секту, подобно тому, как в наши дни англичане стараются искоренить преступную секту тугров. Преступления учащались из года в год, и если то тут, то там пытались прекратить ведовские процессы, то всегда вновь приходилось их возбуждать. И, бесспорно, адский страх перед дыбой, щипцами, колесом, смоляным сапогом удержал многих медиумически расположенных особ от поклонения Сатане и применения на «служение страждущему человечеству» продуктов ядовитой пачкотни. Правда, многие были невинно «закопчены», но на восемь миллионов ведьм, которые, в среднем, были сожжены, выпадает, бесспорно, очень незначительный процент невинных.

Известно, как теперь трудно добыть сколь-нибудь хорошего медиума. Этим мы обязаны Шпренгеру, Бодинусу, Ремигию, де Ланкру, всем этим бесчисленным судьям, которые далеко не нежно распорядились колдовской сектой и истребили всех медиумически предрасположенных. С одной стороны, если принять во внимание благополучие – хе-хе! – человеческого рода, то это было хорошо. Ибо, если не считать того, что все эти люди запятнаны «moral insanity»⁶⁸, той «moral insanity», которая в жалкий век электричества выражается в невинном обмане профессоров, средневековье уничтожило предрасположенность к гистеро-эпилепсии, все за-

---

⁶⁸ моральной нечистотой. – англ.

родыши, из которых расцветали ужаснейшие нервные эпидемии.

Свободомыслящий гражданин, с таким возмущением говорящий об этих процессах, должен был бы благодарить Ремигия за то, что он, гражданин, не выделяет бешеной пляски на рынке, не видит своего двойника, что по ночам его не мучает адский шум и тому подобные дивертисменты.

К концу XVI столетия Сатана начинает скучать среди бесстыдного скопища ведьм. *Ecclesia militans* стала *ecclesia triumphans*⁶⁹. Ему не нужна агитация, не нужна пропаганда. Бесчисленными толпами стекаются к нему женщины, и с пренебрежительным равнодушием он глядит, как они неистовствуют вокруг него, берутся в грязи и издают дикие вопли. Он стал жестоким, в жажде новых наслаждений он изобретает ужасные утонченности. И если раньше совокупление было только неприятным ощущением холода, то теперь оно становится страшной пыткой. Женщина, которую он избрал, кричит, как в родовых болях, она истекает кровью «aussi bien devant que derriere, selon le lieu ou il est alle heurter»⁷⁰. Это – показания девушек от тринадцати до шестнадцати лет, которые в жизни своей были вполне чисты и девственны и которые, как говорит Парацельс, даже не хоте-

---

⁶⁹ Церковь воинствующая, церковь торжествующая. – лат.

⁷⁰ не только спереди, но и сзади, смотря по месту, куда он произвел свой толчок. – фр.

ли «actem venerem»!⁷¹

Нет, он не хочет этого более, его фантазия не может больше выносить разнообразия оргий. Он не хочет также больше прятаться в отдаленных, неприступных местах. Теперь он достаточно могуществен, чтобы проникнуть в церковь своего противника, столкнуть его с алтаря, самому воссесть на него и сделать священников своими преданнейшими слугами. И это было ему нетрудно при том успехе, которого он достиг в конце XVI века, в то время, когда, как уверяет Ремигий, из трех людей, встреченных на улице, двое наверняка виноваты в колдовстве. Нашлось достаточно количество священников, которые перенесли шабаш в церковь и в кругу посвященных справляли позорные черные мессы. Уже де Ланкр сжег троих священников, в чем он оправдывается всевозможными доводами; несколькими годами позже черная месса становится всеобщей. Она, главным образом, справляется в женских монастырях, в этих гнездах демоно-магической предрасположенности, развитой духовными отцами и служившей для удовлетворения плотской похоти и для других целей.

Особенную известность приобрел процесс Мадлены Бован, которая в своих мемуарах дает нам хорошие разъяснения насчет этого распутного культа. Место действия часовня монастыря в Лувье. Нет седалищ, светло от свечей, горящих, как факелы на алтаре и, вероятно, как было в то вре-

---

⁷¹ полового акта. – лат.

мя в обычае черных месс, сделанных из жира повешенных. Присутствует несколько священников, в том числе Пикар, его викарий Булэ, еще несколько других, которых Мадлена Бован не знает, и несколько монахинь, пять или шесть.

Мария Сэн рассказывает, что присутствующих окропляют кровью Христовой с криком: «*Sanguis eius supra nos et filios nostros!*»⁷². Самая месса сопровождается непристойнейшими распутными движениями и восклицаниями. Некоторые показывают язык, другие совершенно сбрасывают платья, иные обнажают зад и поворачивают его к алтарю, третьи мастурбируют бесстыднейшим образом – и все это при элевации вырастает до адских неистовств, которые, наконец, заключаются бешенством разнузданной половой оргии. К середине XVII века черная месса становится популярной. Она стала почти публичной; не было больше тайны, что она совершается в Париже, при большом наплыве истерических женщин в церкви Св. Духа, в монастырском аббатстве и тому подобное. Процесс, который в блестящее правление короля-солнца был возбужден против аббата Гибура, так тяжело скомпрометировал высшую аристократию, что пришлось его поспешно прекратить. Но было установлено достаточно фактов, чтобы дать нам полное представление, типичную картину такой мессы, типичную и для последующего и для нашего времени.

В часовне, обитой черным, стоял алтарь, окруженный чер-

---

⁷² Кровь его на нас и на сыновьях наших! – лат.

ными свечами. Здесь Гибур ожидал своих клиентов. И они прибегали толпами. Великий развратник и ядосмеситель, придворный поэт Расин, мадам д'Аржансон, де Сен-Поль, Ля Бульон, Люксембург, может быть, и лорд Бэкингэм, но сегодня – в последний день января 1678 – это знаменитая маркиза Монтеспан.

Она одержима желанием стать королевой, она готова всем пожертвовать, все сделать, чтобы достичь этого, но никогда она не была так далека от удовлетворения своего тщеславия, как именно теперь, когда Людовик XIV, страдавший сатириазисом, начал явно к ней остывать.

Гибур, знаменитый Гибур, который снабжал ядами всю аристократию, заражал ее любовными флюидами, один Гибур мог ей помочь. Лишь только она вошла в часовню, как уже сбросила с себя одежды и нагая легла на алтарь. И вот началась бесстыдная церемония. На животе ее священник разостлал плат и поставил на него чашу, на грудь ей положил крест. Затем он служит мессу, по католическому ритуалу, только *quotiescumque altare osculandum erat, Presbyter osculabatur corpus, hostiamque consecrabat super pudenda, quibus hostiae portinculam inserebat!*⁷³.

Момент посвящения приближался. Дочь знаменитой Ла Вуазен, слишком хорошо известная по процессу отравительницы Бренвильер, трижды звонит. Дверь открывается,

---

⁷³ Всякий раз, как он должен был целовать алтарь, пресвитер Целовал тело, а гостию освящал под половыми органами, куда он подставлял кусочек ее. – лат.

страшная ведьма дез'Эйлье появляется с двух- или трехлетним ребенком на руках. Его купили у матери за червонец: дети были дешевым товаром. Теперь он должен исполнить реченое, ибо Гибур бормочет: «Христос сказал: „оставьте младенцев прийти ко Мне“. Я хочу, чтобы ты пошел к нему и стал с ним – одно».

Гибур подымет ребенка над чашей и кричит: «Astaroth, Asmodee, princes de l'amitie, je vous conjure d'accepter le sacrifice que je vous presente de cet enfant pour les choses que je vous demande»⁷⁴. Он кладет ребенка на живот Монтеспан и перерезает ему горло. Страшный крик, и жертвоприношение свершено. Головка ребенка откидывается, кровь течет в чашу, обрызгивает богослужebное одеяние священника и голые члены живого алтаря.

Дез'Эйлье берет убитого младенца и вырывает у него внутренности, которые должны послужить еще многим целям. Гибур мешает кровь с вином, туда же кладет куски гостии, в которой содержится пепел сожженных детских костей (детей, умерших без крещения), и поднимает чашу.

Он пьет и передает чашу Монтеспан. После освящения священник заклинает темные силы, чтобы они исполнили все желания Монтеспан, чтобы король делил с ней стол и ложе, чтобы королева была гонима и бесплодна, чтобы она, Монтеспан, стала королевой Франции. Наконец насту-

---

⁷⁴ Астарот, Асмодей, дружественные владыки, я вас умоляю принять этого ребенка в жертву, ради того, о чем я вас прошу. – фр.

пает нечто возмутительное: *Missa tandem peracta, Presbyter mulierem inibat, et manibus suis in calice mersis, pudenda sua et muliebria lavabat!*⁷⁵. Носительница одного из славнейших и благороднейших имен Франции отдается грязной похоти старика в присутствии Ла Вуазен и дез'Эйлье! В заключение священник prepares из остатков гостии, из крови и внутренностей ребенка ладанку, которую он отдает Монтеспан. Месса имела успех, ибо на следующий день Монтеспан удалось опять завладеть королем и прикрепить его к себе сильнее, чем когда-либо прежде.

* * *

Для нашего времени показания очень редки и мало достоверны. Немногое, что нам известно на этот счет, только с невероятным трудом дошло до сведения тех оккультистов, которые этим занимаются; главным образом, Гюисманс в своем бессмертном «*La bas*»⁷⁶ и в предисловии к весьма, впрочем, посредственной книге Ле Блуа: «*Le satanisme et la magie*»⁷⁷, дает некоторые разъяснения по этому поводу.

Либеральная буржуазия торжествовала недавно в Париже,

---

⁷⁵ Наконец, месса завершена, пресвитер подступает к женщине и, погрузив свои руки в чашу, омывает половые органы, свои и женщины. – лат.

⁷⁶ На русском языке этот роман впервые вышел в 1891 году под Названием «Там внизу». Издавался также под названием «Бездна» (в 1911 г.) – прим. ред.

⁷⁷ «Сатанизм и магия». – фр.

когда Лео Таксиль занимался своими шутками над клерикалами, но, тем не менее, можно принять за достоверное, что секта поклонников Сатаны разделилась в настоящее время.

Одна ветвь, палладисты – в каком отношении они находятся к итальянскому франкмасонству, остается вопросом – просто извратила католицизм. Это – нечто вроде неогностической секты, для которой Люцифер есть Адонай. Он бог света, принцип добра, в то время как Иегова-Адонай – злой бог, бог мрака. Видно, старое манихейство обладает невероятной живучестью.

Сатанисты же, наоборот, прекрасно знают, что Сатана – падший ангел, великий противоборец и великий змей, и искуситель. Он – то же, чем был и для средневековых сатанистов – великий князь тьмы, с помощью которого можно стать обладателем самых редких способностей и под защитой которого можно безнаказанно совершать всякие преступления, тем более, что искусство черной магии не предусмотрено нынешним законодательством. Во главе их стоит обычно священник, который читает богохульные мессы и который одновременно, подобно знаменитому католику Докру, наделен редкими магическими способностями и познаниями.

Такую мессу Гюисманс с удивительной силой и мощью описывает в своем романе «La bas», давая тем, помимо чисто художественных подробностей, документ первостепенной важности.

Это – все та же богохульственная месса, осквернение таинства, заключительная половая оргия, доведенная до нечеловеческих размеров вдыханием наркотических веществ. И опять то же: священник, страдающий сатириазисом, и истерические женщины с сомнамбулической предрасположенностью. Психологическое объяснение этих чудовищных действий так же невозможно, как всякой другой религии. Ибо сатанизм такая же религия, как всякая другая, но он религия а rebours, религия ненависти, мести и распутства.

В безднах пола все возможно, там зарождаются всякие преступления, там неистовствует ужасная страсть к безумию, которая может быть удовлетворена только нечеловеческим уничтожением всех законов, обычно связывающих человеческую душу. Нормальный человек так же мало может понять черные мессы, как не может понять содомии или скотоложества, и все же никому в голову не приходит отрицать их, что, как известно, со странным бешенством делается по отношению к черным мессам. Итак, секта растет под защитой либеральной буржуазии и либеральной церкви, защитой, объясняющейся дарвинизмом и материализмом и базирующей свои основы на достижениях материалистических учений; она растет и становится мощной. Церковь, которая, как известно, была величайшим врагом всякой мистики, материальная церковь, отрекающаяся от своего происхождения, не хочет ничего знать об этом, хотя она имела бы все основания заняться этой сектой, даже рискуя дать материал для

глупых и дешевых остроумий нескольких газет.

В заключение еще несколько слов о секте, основанной Вентра, именуемой Кармель, в лоне которой, наряду с богохульством, процветает отчаяннейшее распутство. Парижским розенкрейцерам с невыразимыми трудностями удалось получить полное разъяснение эзотерических учений этой секты. Станислав де-Гюэта опубликовал их в своей весьма интересной книге «Le serpent de la genese»⁷⁸, т. I.

Секта основана на повышающемся *redemptio*⁷⁹, существует от низшей до высшей, самой светлой ступени. Всякий должен работать над своим совершенствованием и принимать участие в общем. Как обрести спасение? На это, – в качестве ответа, – великая тайна Кармеля: «актом грешной любви (Ева, согрешившая со змеем) мы потеряли рай; актом религиозной любви можно вновь приобрести его». Половая связь может, следовательно, происходить греховным образом, как то было в раю, или небесным, как в Кармеле. И вот кармелиты взаимно совершают акт «небесной любви, чтобы усовершенствоваться с низшими, элементарными духами как в суккубате, так и в инкубате, чтобы их *celestifier*⁸⁰».

*Hors des unions, point de salut!*⁸¹ Все мужчины секты обладают всеми женщинами секты и наоборот. Половой ком-

---

⁷⁸ «Змей книги Бытия». – фр.

⁷⁹ искупление. – лат.

⁸⁰ сделать небесными. – фр.

⁸¹ Вне браков место спасения! – фр.

мунизм является сущностью всех этих учений. Алтарь – постель, поцелуй – богослужebное действие; и противоестественный порок Онана служит для того, чтобы возвышать существа; публичное совокупление, при котором не гасят даже свет, как это делали гностики, бесстыднейшая проституция становится величайшей добродетелью, актом внутреннего освящения.

Розенкрейцеры, которые исследовали тайны секты с величайшей заботливостью на основании колоссального материала и собственноручных писем пророка секты Жана Баптиста, произнести ему приговор, который должен был быть приведенным в исполнение тайным судилищем, если он в течение немногих лет не прекратит своих оргий.

Вот несколько примеров, как пророк освящает своих отверженных.

La famille G...ne disposant que de deux lits, les Unions avaient lieu dans l'un ou le Pere couchait avec les deux filles a la fois⁸².

En mars 1883 le Carmel etait dans toute son action⁸³ – дело идет о черной мессе, причем дошло до позорных сцен ревности. Одна дама «ne trouvait pas une compensation suffisante a la perte de son mari, qui etait violemment epris de M-lle G.G....»⁸⁴.

---

⁸² Семья Ж... располагая двумя кроватями, выбирали в качестве брачного ложа лишь одну из них, или отец укладывался спать сразу с двумя дочерьми. – фр.

⁸³ В марте 1883 г. Кармель был целиком поглощен своей работой. – фр.

⁸⁴ не находила достаточной компенсации после утраты своего мужа, который

Она грозила выдать тайну секты. За сим последовало нечто невероятное, установленное покаявшимися очевидцами. Дама получила обратно своего мужа, в то время как барышня dut demander pardon a genoux a Madame, tandis que cette dame, couchee avec son mari, accomplissait une union celeste⁸⁵.

Окруженный медиумами и сомнамбулами, при помощи которых он хочет узнать тайны черной магии, погрузив их в сомнамбулическое состояние, глава большой секты, количество приверженцев которой, естественно, быстро растет, современный пророк образует опасность, которую либеральная буржуазия не должна была бы проглядеть из чисто социальных видов.

Creatum est os ad edendum, creata sunt genitalia ad coeundum⁸⁶, вот высший, вечно новый и вечно старый принцип бессмертного гностицизма. И последующее тоже подкрепляет то, что мы уже знаем из шабаша: doctam esse tester nullo sanguinis vinculo prohiberi, quid et fideles coeant invicem: nee patrem cum filia, neque cum filio matrem, neque cum fratre sororem unquam rite misceri fuisse nefas⁸⁷.

был неистово влюблен в девицу Ж.Ж.... – фр.

⁸⁵ на коленях просила прощение у дамы, между тем как эта дама использована небесный союз, чтобы улечься в постель со своим мужем. – фр.

⁸⁶ Уста созданы для воспевания, гениталии – для совокупления. – лат.

⁸⁷ Я свидетельствую, что там не запрещались никакие кровные связи, что и «верные» вступали в половую связь друг с другом; и не считалось греховным совокупляться, следуя обряду, отцу с дочерью, матери с сыном, брату с сестрой. – лат.

Этот половой мистицизм, освящающий противоестественный блуд, не является чем-нибудь новым. Нового в нем только то, что было нового в первоначальном учении катаров; позитивный характер секты, вследствие чего она в тысячу раз более опасна, чем собственно сатанизм, потому что последний коренится в отрицании, отрицании, полном страха и нечистой совести.

Пол – вот основная ось всех этих явлений. Утолить вечно растущие требования пола, удовлетворить жажду мести, узнать сокровенные силы, которые могут дать половое счастье, вот причины, почему отдаются Сатане. Но нет в этом счастья. Пусть! Но в царстве ночи, в пропасти и боли находишь опьянение и безумие. Бросаешься в ад, но впадаешь в безумие, в неистовствах которого можно забыть, забыться. Сотри меня со скрижалей жизни, впиши меня в книгу смерти! Эта величественная формула – ключ ко всем этим сектам. День – это тяжелое, грозное бремя жизни, страшное мучение необходимости жить; ночь – безумие, опьянение, забытье. Для всех этих фактов нет моральной мерки, ее пусть применяет жирный буржуа, который возмещает свой кретицизм накопленными деньгами; эти факты должны быть постигнуты, постигнуты в их безутешной, мучительно-больной пропасти.

Отчаявшееся человечество имеет только один исход: опьяняться. И оно опьяняется. Опьяняется ядом, опьяняется грязью, и все это опьянение завершается экстазом пола так,

что нервы рвутся, человек раздваивается, переносит ужаснейшие, жесточайшие пытки, но забывает, по меньшей мере, ужаснейшее, то, что превосходит грязь и отвращение его противных мазей, его жаб, его противных гостей, замешанных на отвратительных выделениях, – он забывает жизнь.

То, что он в восходящей линии предавался преступлению, то, что он убивал, не знал в своей мести границ и охотней предавал себя, чем допускал, чтобы его удержали от преступления, это было только его великим правом, правом того, кто велел записать себя в книгу смерти, – он отрицал ненавистную жизнь.

Что он преступал закон, перевертывал его, издевался над ним, грязнил и осквернял его; что он к правящему, будь то религия или гражданское учреждение, относился с глубочайшим презрением; что он охотнее соглашался умереть, чем покаяться в своих заблуждениях – это опять было его правом, правом отчаявшегося, который не находит выхода, покоя, часа без мук: он хоронил условия жизни. Было величие в крике ведьмы, которую палач соглашался освободить, если она отдастся ему: «Я, целовавшая зад Сатаны, отдамся тебе, исполнителю закона?!» А разве нет тут ничего положительного?

Катары пытались и пророк Кармеля пытался освятить безумие, нимфоманию и сатириазис.

Грустное и жалкое лицемерие! Сатана-Параклет в том смысле, в каком так можно назвать Дух – безумие; Сатана,

творящий жизнь и снова ее разрушающий, творящий развитие и вновь его уничтожающий, Сатана не может быть спасителем.

Но он становится параклетом зла, он провозглашает великий закон топить грех в еще большем грехе, он учит забвению зла через отрицание, через экстаз инстинктов – опьянение.

Это единственный Сатана-Параклет: «Ennivez-vous!»⁸⁸.

---

⁸⁸ «Опьяняйтесь!» – фр.